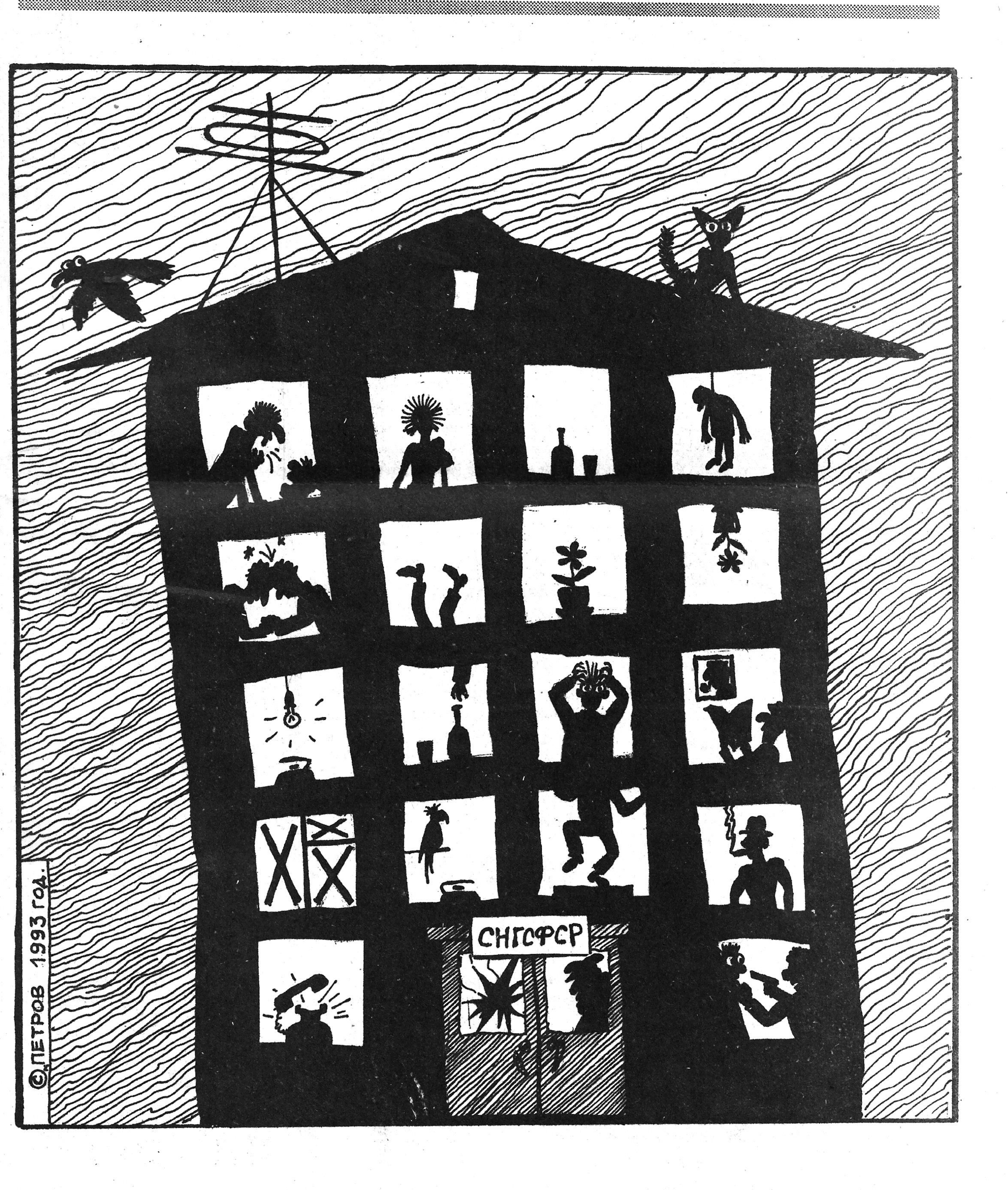
Дом Союзов

ПРИЛОЖЕНИЕ К ГАЗЕТЕ "СОЛИДАРНОСТЬ" №1 ЯНВАРЬ 1993

Дом Союзов

Ежемесячное приложение к газете Московских профсоюзов "Солидарность"

Издание зарегистрировано в Мининформпечати РФ (№84)

Главный редактор "Солидарности" Андрей ИСАЕВ

Редактор "Дома Союзов" Влад ТУПИКИН

Редакция "Дома Союзов":
Александр ТАРАСОВ,
Михаил ЦОВМА
Художник Дмитрий ПЕТРОВ
Ответственный секретарь
Владимир ОБУХОВ

Подписчики "Солидарности" (индекс 50143) получают "Дом Союзов" бесплатно

Адрес редакции: 101000, Москва, Бобров пер., 6
Телефон для справок: 928-12-10

Тираж 30 000
Набрано и сверстано в компьютерном центре газеты "Солидарность"

Отпечатано с готовых фотоформ в ИПК "Московская правда"

Подписано в печать 20.01.1993

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

У вас в руках первый номер нового журнала "Дом Союзов" - приложения к газете МФП "Солидарность".

Необходимость в таком издании назрела. Стало очевидно, что непосредственная практика профсоюзной работы, рабочего движения, трудовых конфликтов, экономических изменений требует теоретического осмысления. Это тем более актуально, что противостоящие профсоюзам (и шире - наемным работникам) политические и социальные силы широко используют зарубежный опыт, в том числе и теоретические достижения западной консервативной мысли. Это дает им значительные преимущества и ставит профсоюзы, наемных тружеников, левые силы в нашей стране в неравное положение.

Наш журнал призван в какой-то степени заполнить эту брешь. Мы намерены знакомить читателя с опытом профсоюзной работы и с общественной и политической деятельностью организаций, отражающих интересы трудящихся как у нас в стране, так и за рубежом.

Поскольку без знания прошлого, анализа ошибок и достижений своих предшественников невозможна никакая позитивная работа, мы намерены рассказывать об истории международного и отечественного рабочего и профсоюзного движения. А так как эта история последнее время подвергается разного рода ревизиям и извращениям в либерально-буржуазных и консервативных изданиях, мы считаем своей обязанностью противостоять попыткам исказить истину.

Левые силы в нашей стране переживают тяжелые дни. Они разобщены, деморализованы, социалистическая мысль находится в кризисе. Те, кто поставил себе целью бороться за лучшую жизнь широких слоев населения, оказался пока не в состоянии защитить эти слои от все углубляющегося жестокого кризиса. Назрела необходимость обновления социалистической мысли, создания теории, адекватной современным условиям. Наш журнал открыт для всех, заинтересованных в решении этой задачи. Понятно, что для этого необходимо осмысление достижений прогрессивной зарубежной мысли XX века, в основном закрытой ранее для читателя в нашей стране. Журнал намерен решать по мере сил и эту задачу.

Мы не хотим сектантски замыкаться только на вопросах профсоюзной работы или только на вопросах развития социалистической мысли. Поскольку один идеологический пресс в общественных науках в нашей стране сменился другим и традиционное искажение реальной картины заменяется новым, мы надеемся, в меру сил, противостоять этой опасной тенденции и обращаться в своей работе к самому широкому спектру общественных дисциплин - от истории и экономики до философии и социологии.

На страницах нашего журнала, мы надеемся, найдется место и культуре, и искусству, и литературе.

Мы открыты для доброжелательного сотрудничества со всеми заинтересованными сторонами. Мы ждем всех, кто болеет теми же болями, что и мы, кого волнуют те же проблемы. Мы приглашаем всех к сотрудничеству. Только совместными усилиями мы сможем преодолеть кризис, только все вместе мы найдем выход.

Что может этот профсоюз?

Ирина ГУРКИНА

- небрежно замечают скептики из числа работников образования - директора школ, руководители вузов. - Этой весной, когда активисты профдвижения угрожали забастовкой, кого прежде всего они хотели наказать - детей? Оставив их без экзаменов, оголив школы и детские сады, разбив по существу последний оплот стабильности - детские школьные и дошкольные учреждения. Родители да и многие педагоги были против этого, они открыто выразили протест против разрушительных акций и, слава богу, отстояли детей". Но давайте вспомним, что же было на самом деле, проследим хронику событий.

АПРЕЛЬ 1992 г. В Москве и большинстве регионов России профсоюзом и активистами движения протеста объявлена предзабастовочная готовность. Причин много - низкая оплата труда педагогов. Захват коммерческими структурами детских учреждений. Свертывание работы по организации детского досуга. "Коммерциализация" детства, превращение детей в перекупщиков и спекулянтов. Разрушение зданий и учебного фонда. Недоброкачественное и дорогое питание в детсадовских и школьных столовых.

Создаются забасткомы воспитателей и учителей. Проводится конференция. На митинг 22 апреля в Москве вышло 7 тысяч человек.

МАЙ. Объявлен день всеобщей забастовки педагогов - 22 мая. В трудовых коллективах, на родительских собраниях профсоюзы проводят разъяснительную работу. Президент, правительство, средства массовой информации оповещены о требованиях забастовщиков.

И вот первая победа - соглашение московского профсоюза, забасткома и правительства Москвы. Московским дошкольным и школьным учреждениям дано 5 млрд. рублей. Активизируется строительство и ремонт школ и детсадов. На 70% повышены оклады. Сокращена рабочая неделя воспитателей.

Май - месяц активных выступлений вузовской общественности. В Москве собрались на митинг полторы тысячи преподавателей и студентов. Их требования: зарплата не ниже среднепромышленной, льготное налогообложение, повышение стипендий, бесплатное медобслуживание, предоставление муниципального жилья, не менее 10% от национального дохода на нужды образования. И опять застрельщиком всех акций - пикетов, собраний, вузовских конференций - стал профсоюз. По его инициативе созданы вузовские забасткомы, при его деятельном участии готовится конференция профкомов вузов России.

Под напором трудящихся правительство России издает постановление, где идет на ряд уступок, правда, сводимых в основном к абстрактным намерениям и заверениям. Верховный Совет принимает, наконец, Закон "Об образовании". В него включена очень важная 54 статья, которая гарантирует уровень зарплаты для учителей не ниже среднепромышленного, а для профессорско-преподавательского состава - вдвое выше. Еще одна победа! Однако рано радоваться. Тем же законом вводится система срочных контрактов. Комитет по высшей школе незамедлительно готовит рекомендательное послание ректорам, которым дано в обход профсоюза неограниченное право распоряжаться судьбами людей, даже если это противоречит положениям КЗОТа. Ах, если бы этот Комитет проявлял такую же оперативность в вопросах финансирования, материально-технического обеспечения и социальной защиты.

СЕНТЯБРЬ. Нет срочным контрактам, ущемляющим права преподавателей. Зарплата и стипендии не ниже прожиточного минимума. Выполнение 54 статьи закона об образовании. Нагрузка на преподавателей не выше европейских норм - эти требования выдвинуты сентябрьским обращением профсоюза, комитета социальной защиты и Ассоциацией профорганизаций студентов. Они подхвачены и участниками I этапа Всероссийской конференции работников образования.

ОКТЯБРЬ. В этом месяце ЦК профсоюза заключил отраслевые тарифные соглашения с Министерством образования и подобный же документ с Комитетом по высшей школе. Главное в этих соглашениях то, что правительственные структуры берут на себя обязательства установить оплату труда педагогов и стипендии студентам в соответствии с Законом "Об образовании" (!). Кроме того, Министерство и Комитет должны разработать для Верховного Совета предложения об освобождении образовательных учреждений от всех видов налогов, платежей и пошлин, принять меры по сохранению объема бюджетного финансирования не ниже уровня 1991 г. в сопоставимых ценах, в льготном кредитовании сферы образования, в обеспечении занятости работающих и прав профсоюзных организаций и т.д. Соглашениями предусматривается бесплатное медобслуживание учащихся и студентов, различные надбавки к зарплате, другие меры социальной защиты.

Серьезную помощь московским учителям и воспитателям оказывает московское правительство: своим сентябрьским постановлением оно провозгласило образование приоритетной отраслью и обещало принять еще ряд мер по предоставлению жилого фонда работникам отрасли, по содействию в их переподготовке, снабжению сельхозпродуктами и дефицитными промтоварами, выделению средств на строительство лечебно-оздоровительных баз и др. Вопреки сложившейся практике невыполнения бюрократических обещаний, на этот раз правительство держит свое слово. И в этом тоже несомненная заслуга профсоюза, который нашел деловой контакт с руководством города. Совет профсоюза работников науки и образования г.Москвы предложил мэру Лужкову рассмотреть вопрос об индексации 70% надбавки, которая в реальной зарплате учителя к октябрю составляла не 70%, а немногим больше 30%.

НОЯБРЬ. Участники второго этапа Всероссийской конференции работников образования как положительный момент отметили, что правительство решило повысить с 1 декабря 1992 оплату труда работников образования на основе введения Единой тарифной сетки (ЕТС). Однако это новшество не обеспечит предусмотренный в Законе "Об образовании" уровень оплаты преподавателей вузов, если их разряд будет ниже 17-18. ЦК и МС профсоюза настаивают на этом.

Продолжается (второй год) разработка федеральной программы развития образования. (Интересно, сколько еще лет она будет разрабатываться? - ред.) Никто не собирается согласовывать с профсоюзом и типовые положения об образовательных учреждениях. Неясен механизм индексации зарплаты в образовании. Положения закона об оплате различных категорий работающих в этой сфере властями напрочь забыты, как и то, что необходимо выплатить компенсации потерь в зарплате в связи с невыпол-

нением 54 статьи (эта статья предусматривает оплату работникам образования не ниже среднего уровня оплаты в промышленности, а для вузовских работников - в два раза выше). Конференция поручила ЦК профсоюза в порядке законодательной инициативы обратиться в Верховный Совет РФ с тем, чтобы пересмотреть контрактную систему с работниками образовательных учреждений и отменить принятые в п. 2 ст. 56 закона формы контрактов, как ограничивающие конституционное право на труд (имеется в виду перевод вузовских преподавателей с постоянной работы на срочные контракты).

Если требования правительством не будут выполнены, то последует третий этап конференции, который определит сроки всероссийской забастовки работников образования.

Итак, возопят защитники детства, опять забастовка! Да, и не иначе, если власть предержащие не желают думать о детях и их воспитателях. Сколько можно ждать и чего? Сокращения бюджетных ассигнований на образование? Перевода среднего звена и высшей школы на платное обучение, которое не по карману рядовым гражданам? Изгнания детей неплатежеспособных родителей из клубов, домов творчества, спортивных учреждений на кишащую криминалом улицу? Окончательного развала и без того расшатанной и коммерциализированной образовательной сферы? Массовой безработицы педагогов?

- Нам заявляют, - говорит председатель МС профсоюза работников науки и образования С.Кузин, - что трудности в отрасли обусловлены тяжелым экономическим положением страны. Но обратимся к столь любимому политиками зарубежному опыту. После Второй Мировой войны в Германии и Японии, экономика которых была в более плачевном состоянии, чем сейчас в России, основные бюджетные ассигнования шли на развитие образования, особенно высшей школы. Руководство этих стран хорошо понимало, что в эпоху развала надо думать о созидании и о тех, кто будет строить будущее. Именно поэтому мы, профсоюзы, не складываем оружия и продолжаем бороться за создание приоритетных условий системе образования. Не мы враги и предатели детства, как величают нас мнимые его защитники. Истина проста - детям, юношеству только тогда будет хорошо, когда будут созданы нормальные условия для их воспитания и учебы.

Итак, что может профсоюз? Думается, на этот вопрос можно ответить прямо - очень многое. И сделал бы еще больше, если бы ему, ну не то чтобы помогали, а хотя бы не мешали работать.

- Отток из профсоюза, хотя и небольшой, есть, - говорит зам. председателя МС Марина Иванова. - И этим мы в первую очередь обязаны весьма энергичным действиям администрации образовательных учреждений. Уж очень хочется быть некоторым руководителям полновластными, не ограниченными профсоюзным контролем, владыками имущества и судеб своих подчиненных. Они беззастенчиво пользуются неосведомленностью рядовых членов профсоюза о том, какую роль для них самих, в первую очередь, играет членство в профсоюзе - единственном на сегодняшний день гаранте их прав и защитнике от произвола.

Неосведомленность же эта - следствие недостатка информации о действиях и намерениях профсоюза. Она блокируется и телевидением, и радио, и официальной прессой. Нас выставляют подстрекателями и нарушителями общественного спокойствия, не дают пробиться в эфир и на страницы газет.

Кроме того, на отношении к профсоюзам сказывается и пассивность профорганизаторов низового звена. Многие из них предпочитают тихо отсиживаться в тени начальственной спины, не желают обременять себя организаторской и разъяснительной работой. До профсоюзной массы не доходят наши листовки, информационные бюллетени, выступления (пусть редкие) в средствах массовой информации. А жаль. Наша работа принесла бы куда больше пользы, если бы мы получили более широкую поддержку трудящихся отрасли. Ведь в конце концов, у всех нас одна задача - сохранить систему образования, обеспечить базу будущему.

Не рано ли успокоились?

Александр ТЕКТУС

Социологические службы и МФП, и ФНПР еще недавно дружно уверяли, что сокращение членства в профсоюзах неизбежно, но оно не примет массового характера. По их расчетам, сокращение составит 3-4%. Приводились убедительные данные опросов и т.п. Те же службы говорят теперь, что реальность подтвердила их расчеты: отток из профсоюзов не превысил указанных размеров. И хотя данные социологических исследований говорят, что основной причиной, удерживающей трудящихся в профсоюзах, является консерватизм сознания и поведения (привычка), а не принципиальное понимание необходимости профсоюзов, общая тенденция вроде бы не вызывает опасений.

Но вот в газете "Сельская жизнь" (29.12.92) была напечатана статья "Контора правит бал. Последний", рассказывающая о некоторых интересных новациях в Иркутской и Новосибирской областях. Оказалось, что кое-где на селе в этих областях директора хозяйств вышли из профсоюзов и "призвали" подчиненных последовать своему примеру. Подчиненные "почин поддержали" - а как же иначе: село не город, где через забор - другой завод, здесь другого колхоза (совхоза) нет, директор (председатель), следовательно, - сила и власть.

И вот в ОПХ "Садовое" Новосибирской области вслед за директором ОПХ (депутатом Верховного Совета, кстати сказать) из профсоюза вышло 15 человек. От почти 500 членов профсоюза в "Садовом" 15 - не много, те самые 3-4%.

Но вот в колхозе "Рассвет" Тулунского района Иркутской области вслед за председателем уже вышли 140 человек (из общего числа в 470). Это уже не 3-4%, это почти треть организации.

А на государственной селекционной станции Тулунского района из профсоюза вышло более 700 человек! Автор статьи скромно умолчал, сколько на станции сотрудников. Но что такое районная селекционная станция, в общем, известно. Боюсь, что тут из профсоюза ушли едва не все поголовно.

Но чем же, собственно, провинились профсоюзы перед местным сельхозначальством? Об этом откровенно поведал автору статьи председатель Тулунского АПО В.Кашко. Оказывается, профсоюзы

своей социальной политикой сглаживают кризисные явления в сельском хозяйстве и тем самым мешают быстро разрушить совхозно-колхозный строй. Говоря иначе, кампания-то прямо против профсоюзов не направлена! Огонь ведется по пресловутому совхозно-колхозному строю, а профсоюзы просто-напросто попали под рикошет.

Это заставляет задуматься. И профсоюзные органы печати, и профлидеры часто в последнее время говорят (иногда с истеричными нотками) об "антипрофсоюзной кампании", о "травле и клевете", о "наступлении на профсоюзы", хотя это наступление выражается в основном в редких и довольно-таки убогих газетных статьях, да в попытках оттягнуть профсоюзную собственность (последнее объясняется, конечно, не "борьбой с профсоюзами", а отражает общую тенденцию к захвату и перераспределению собственности в стране "по праву сильного").

Иначе говоря, всерьез с профсоюзами еще не борются. А если начнут? Методов такой борьбы много: от грубых (спровоцировать, например, профсоюз на "незаконную" забастовку - и потом запретить) до мягких, почти незаметных (поощрение к выходу из профсоюзов путем предоставления не-членам профсоюза различных неявных льгот по службе, на производстве, при выдвижении на государственные и общественные должности, в налоговой сфере и т.п.). Что тогда будет делать наше профсоюзное руководство? Что-то, увы, не слышно о том, что оно готовится к подобному повороту событий и разрабатывает какие-то контрмеры.

ФПАД: генеральная репетиция уничтожения профсоюза

Одним из наиболее важных событий в профсоюзном движении прошлого года была прошедшая в августе забастовка авиационных диспетчеров.

Кирилл БУКЕТОВ

По масштабам и по значимости ее можно сравнить только с шахтерскими стачками 1989-90 годов. Но шахтерские забастовки никогда не затрагивали вплотную интересов большой части населения, были локальны и в условиях необъятных просторов нашей Родины практически незаметны. Ведь от Москвы до ближайшего крупного шахтерского центра - Воркуты - больше 1000 километров. Забастовка же диспетчеров получила широкий резонанс в обществе именно потому, что тысячи пассажиров непосредственно столкнулись с ней в аэропортах.

Организатором забастовки выступила Федерация профсоюзов авиационных диспетчеров России (ФПАД), созданная в 1989 году (в настоящее время насчитывает более 8 тысяч членов). Одно из требований ФПАД касалось выполнения генерального тарифного соглашения с профсоюзом, подписанного еще 19 мая 1992 года. Правительство и администрация игнорировали пункт соглашения об индексации заработной платы диспетчерам в зависимости от изменения уровня прожиточного минимума. В условиях быстрого роста цен конфликты, связанные с выдачей и увеличением заработной платы возникают повсеместно, но для диспетчеров, от морального состояния которых зависит не только соблюдение графика полетов, но и напрямую безопасность жизни пассажиров, вопрос о зарплате встал особенно остро. Но несмотря на это, проблема выполнения тарифного соглашения ставится авиадиспетчерами прежде всего не как экономическое требование, а как правовое. Ибо, как заявил президент ФПАД Владимир Конусенко, выполнение трудового соглашения есть составной элемент той системы партнерских отношений, за которую сейчас борется президент и демократические круги. Поэтому невыполнение трудовых соглашений, подписанных правительством, по мнению членов ФПАД, означает дискредитацию системы колдоговорных соглашений.

Другим требованием диспетчеров было выполнение указа Президента Российской Федерации о создании Комитета Госаэронавигации - вневедомственного комитета, который подчинялся бы напрямую правительству России и Верховному Совету, минуя Министерство транспорта и Департамент воздушного транспорта. Диспетчеров не устраивает ситуация, когда без их ведома и подчас вопреки профессиональным интересам вышестоящие инстанции заключают договора на обслуживание авиарейсов с иностранными авиакомпаниями. При этом вся тяжесть работы ложится на плечи диспетчеров, которые никакой дополнительной платы за это не получают, а все валютные поступления оседают где-то "наверху". Выделение организаций, ведающих воздушным пространством, в отдельную службу принято почти во всех странах Запада. Президент России еще в феврале подписал указ о создании такой службы, но номенклатура всячески тормозит его выполнение, не желая расставаться со своей кормушкой.

За день до начала забастовки, 14 августа, прошли переговоры делегации ФПАД с вице-президентом России Александром Руцким. Диспетчерам был поставлен ультиматум. Суть его сводилась примерно к следующему: либо подписать так называемый "нулевой" протокол (который предусматривал добровольный перенос диспетчерами своей забастовки на неопределенный срок), либо из-за принудительного переноса забастовки на сентябрь (президент России может перенести забастовку на срок до двух месяцев) оказаться перед реальной угрозой разгона профсоюза. Переговоры как таковые не состоялись. Авиадиспетчеры отказались подписать протокол и тогда им довольно грубо указали на дверь.

Президент ФПАД Владимир Конусенко рассказывает о ходе переговоров: "Мы пришли на переговоры и сразу же, по отношению к нам, поняли, что все уже заранее решено и нашего мнения никто спрашивать не будет. Поэтому встреча продолжалась всего 12 минут. Из них 11 минут говорил товарищ Руцкой, 30 секунд заместитель генерального прокурора и 30 секунд говорил я. В итоге вице-президент сказал: "Вы свободны", давая понять, что разговор окончен. Мы встали и вышли. Вдогонку вице-президент кричал: "Вы, президент Конусенко, будете нести персональную ответственность! Я сейчас даю распоряжение МВД и Министерству безопасности привести личный состав в боевую готовность". Когда мы уходили, переглянулись между собой - такое ощущение, что на дворе 1937 год."

15 августа около 60 служб управления воздушным движением прекратили работу. Накануне и в день проведения забастовки на всех ее участников оказывалось сильное давление. На места была разослана правительственная телеграмма, в которой прокурорам было предписано с привлечением служб МВД взять под свой контроль деятельность местных организаций профсоюза. Надо сказать, они добросовестно исполняли свои обязанности.

Уже за несколько дней до забастовки эта тема не сходила со страниц центральной прессы. Поражает единодушие, с которым журналисты обвиняли авиадиспетчеров во всех смертных грехах (в частности, в требовании повышения зарплаты до безумных размеров). Новое, "демократическое" правительство использовало старые сталинско-брежневские методы манипуляции общественным мнением. По негласной указке "сверху" пресса развернула травлю диспетчерских профсоюзов. Поэтому в день забастовки люди, оказавшиеся в аэропортах уже были "накручены" официальными сообщениями и постарались оказать давление на забастовщиков.

Администрация предприятий и власти сделали все возможное, чтобы создать в этот день невыносимые условия для авиадиспетчеров. Во многие аэропорты были направлены специальные подразделения милиции. В других портах милиция поступила иначе: она пропустила разъяренную толпу пассажиров, которая готова была растерзать бастовавших авиадиспетчеров, в зал Управления воздушным движением. Драки были спровоцированы в Томске, в Южно-Сахалинске. В Самаре люди выскочили на территорию аэропорта и требовали указать им местонахождение диспетчерской службы. В Магнитогорске диспетчеры вынуждены были забаррикадировать двери, спасаясь от гнева пассажиров.

Но и это не все. За спинами тех диспетчеров, которые участвовали в забастовке, но согласились обслуживать санитарные, поисково-спасательных рейсы и рейсы пожароохраны, стояли прокуроры, чтобы на месте зафиксировать факт отказа от обслуживания обычных самолетов. В Петербурге работниками ОМОНа были задержаны председатель профсоюза и его заместитель, более 3 часов их держали в линейном отделении милиции.

Милицейские кордоны, ревущие толпы пассажиров, действия работников прокуратуры - все это нервировало и раздражало диспетчеров, работавших в этот день, и увеличивало вероятность аварий в воздухе.

Там, где функции гражданских диспетчеров взяли на себя военные, пассажиры и не подозревали, что они стали потенциальными заложниками и могли в любой момент погибнуть. В самом начале забастовки в Центральный штаб сообщили, что уже имеются прецеденты опасного сближения самолетов в тех регионах, где на работу заступили военные.

После забастовки на ее организаторов были заведены уголовные дела, начались преследования в административном порядке. Это вызвало ответную реакцию и состоявшийся в конце октября съезд ФПАД принял решение о подготовке нового выступления.

Съезд также принял обращение к президенту России Борису Ельцину, напомнив о своей поддержке правительственного курса реформ и о том, что во время августовского путча 1991 г. профсоюз и правительство России были "по одну сторону баррикад" (в частности, профсоюзы авиадиспетчеров оказали тогда помощь правительству Ельцина, наладив распространение по всей стране листовок и газет демократического содержания). Они остаются верны правительству России и сейчас, а требования диспетчеров, с которыми они вышли на забастовку, касались в первую очередь выполнения правительственных же указов и постановлений. Сложно найти сейчас в России профсоюз, настолько преданный президенту Ельцину. И до последнего момента авиадиспетчеры вправе были расчитывать на то, что президент пойдет им навстречу. Но в политических играх свои правила.

Министерство транспорта, Департамент воздушного транспорта тщательно подготовились к началу второй забастовки авиадиспетчеров, учитывая уроки августовской стачки. К 30 ноября были приведены в готовность военные аэродромы и диспетчерские службы ВВС, сокращено количество планируемых на этот день авиарейсов. Были проведены совещания с руководителями авиапредприятий, на которых их неплохо "обработали".

Кроме того, руководство ФПАД лишилось связи с регионами, в частности, никакой информации о подготоке к забастовке не было получено из Якутии и с Дальнего Востока. В связи с этим Исполком ФПАД принял решение перенести начало забастовки с 30 ноября на 1 декабря. Такое право дал руководству ФПАД съезд авиадиспетчеров, который принимал решение о проведении забастовки, но действия исполкома профсоюза на периферии расценили как непоследовательные. Ведь кроме изменения даты изменились и требования забастовки, которые первоначально содержали три пункта: прекращение преследований участников событий 15 августа, создание единой службы аэронавигации при правительстве России и выполнение отраслевого тарифного соглашения. Незадолго до срока исполком изменил свое решение и снял два последних пункта.

В связи с организационными трудностями, а также из-за нежелания нагнетать обстановку 1 декабря в 9.32 исполком ФПАД принял решение "забастовку, назначенную на 10.00, не начинать". На это решение повлияло письмо министра транспорта генеральному прокурору России с просьбой прекратить уголовные дела по отношению к участникам забастовки 15 августа и телеграмма в адрес руководителей авиапредприятий с предложением о досрочном снятии взысканий, наложенных администрацией на участников забастовки.

Авиадиспетчеры не чувствуют себя побежденными, ведь в результате они все же добились выполнения своих требований. Прежде всего, подписан Согласительный протокол Федерации с Департаментом воздушного транспорта, в котором отражены конкретные обязательства администрации по требованиям авиадиспетчеров. В частности, Департамент обязался проверить законность наложения административных наказаний на авиадиспетчеров и в случае, если они связаны с забастовкой 15 августа, отменить их.

Прямым следствием забастовки стал также подписанный 28 декабря приказ министра транспорта, который предписывает приступить к созданию государственных предприятий по использованию воздушного пространства и управлению воздушным движением.

Однако и администрация уже поняла, какие выгоды она может извлечь из создавшейся ситуации. Во время обсуждения текста нового генерального соглашения Департамент воздушного транспорта дал понять диспетчерам, что оно будет заключено только в том случае, если из него будут исключены некоторые положения, касающиеся социальной защищенности авиадиспетчеров. В частности, предполагается отменить пункт о праве члена профсоюза на бесплатный билет к месту проведения отпуска и обратно, о праве на компенсацию за особо вредные условия труда, о пятнадцатипроцентной доплате за знание английского языка, а также ряд других пунктов.

Подчиняясь логике профсоюзной работы и стараясь поддержать имидж своего профсоюза, авиадиспетчеры пошли на довольно решительные меры, организовав забастовку и рискуя самим существованием организации. Они прекрасно понимали, на что идут, но во всей этой истории постороннего наблюдателя не оставляет ощущение того, что действия профсоюза были предопределены и заранее просчитаны извне. Игнорирование подписанного соглашения и неоднократных требований о его выполнении, хамское поведение Руцкого на переговорах с делегацией профсоюза, постоянное нагнетание напряженности, обработка общественного мнения через средства массовой информации, попытка спровоцировать столкновения пассажиров с авиадиспетчерами - все эти действия правительства наводят на размышления о том, что забастовка 15 августа была спровоцирована. Это стало понятно еще до ее начала.

Что же заставило правительство рисковать жизнью пассажиров, принудив неспособных на это военных обеспечивать управление воздушным движением в день забастовки? И что заставило президента России пренебречь поддержкой одного из самых продемократически настроенных профсоюзных объединений?

Ответ на эти вопросы достаточно прост. В современной ситуации, когда очень сложно предсказать развитие событий, власти использовали конфликтную ситуацию с профсоюзом авиационных диспетчеров для отработки тактики борьбы с профсоюзным движением. Фактически была проведена генеральная репетиция разрушения профсоюзного объединения.

Для начала сознательно спровоцировать забастовку, поставить профсоюз перед выбором: либо во всем потакать правительству, либо вступить с ним в борьбу, заранее понимая, что шансы выиграть эту борьбу очень невелики. Далее объявить забастовку незаконной, начать уголовные преследования ее организаторов, обезглавить профсоюзное руководство, а на местах провести административные репрессии против участников стачки. И наконец, на основании решения о признании забастовки незаконной, объявить профсоюз преступной организацией, арестовать банковские счета, почту профсоюза, лишить его помещения, ликвидировать юридический адрес. Разумеется, третий шаг правительство предпримет только в том случае, если профсоюз не станет более "покладистым".

Именно поэтому многие российские профсоюзы выразили свою солидарность с борьбой ФПАД, не пожелав оставаться безучастными наблюдателями, ведь завтра любой из профсоюзов может оказаться на месте авиадиспетчеров.

Приватизация в России: позиция профсоюзов

Только сегодня приватизация в России становится реальным фактом социально-экономической жизни. Однако российское профсоюзное движение начало определять свое отношение к ней задолго до официального начала процесса "ваучеризации всей страны", который определен первым этапом приватизации народного хозяйства России.

Валентин РУПЕЦ

Независимый профсоюз горняков России, например, ознакомил российское общественное мнение с основными положениями своей программы приватизации еще в декабре 1991 г. Российский союз трудовых коллективов - крупнейшая из так называемых "организаций профсоюзного действия"[1] России сделал это в марте 1992 г.

Подавляющее большинство профсоюзов России позитивно относится к самой идее приватизации. Исключение составляет лишь Объединение рабочих профсоюзов "Защита" из-за ее негативных социально-экономических последствий, полагая, что разгосударствление собственности в любом обществе ведет к "росту безработицы, сокращению производства, снижению жизненного уровня большинства граждан"[2]. Некоторую настороженность проявляет в отношении приватизации и руководство Федерации профсоюзов авиационных диспетчеров (ФПАД). Оно опасается, что ее проведение в сфере воздушного транспорта может привести, в частности, к опасному раздроблению единой системы управления воздушным движением, все еще действующей на территории бывшего СССР[3].

Такое же, хотя и с противоположным знаком, единодушие проявляется у профсоюзов России в отношении проводимой сегодня правительством России политики приватизации. Большинство из них довольно критично оценивает ее, считая, что правительство идет по пути "номенклатурной приватизации", которая определяется профсоюзами и наиболее активно интегрированными в профсоюзную жизнь "организациями профсоюзного действия" как "прихватизация", выгодная только администрации и дельцам теневой экономики, но ущемляющая "коренные интересы трудовых коллективов" и означающая, по сути дела, начало большого наступления на права трудящихся[4].

Резкая критика правительства в области приватизации служит, однако, отправной точкой для весьма разных типов практического поведения. Для одних (Конфедерация свободных профсоюзов России) эта критика тесно увязывается с жесткой оппозицией всему реформаторскому курсу российского правительства, которое КСПР называет антинародным и в реальной действительности обслуживающим прежде всего свои собственные "шкурные интересы"[5]. Для других (например Российского союза трудовых коллективов, Объединения рабочих профсоюзов "Защита") критика правительственной политики приватизации сформулировала желание противодействовать ей с помощью самых решительных действий, не возводя, однако, свое поведение в ранг глобального противодействия всему курсу "правительства реформ".

"Необходимо, - считает РСТК, - жестко остановить растаскивание госсобственности по "номенклатурным карманам" и сделать это лучше всего посредством серии акций всероссийского масштаба: от сбора подписей с протестом против правительственной политики приватизации до проведения общенациональных забастовок"[6].

В подобном же ключе действует и "Защита". "Вся власть - трудовым коллективам и Рабочим советам! - говорится в одной из листовок "Защиты". - Верить "заклинаниям Ельцина и выжидать больше нельзя". Война трудовым коллективам объявлена, а на войне - как на войне"[7]. После начала "ваучеризации" "Защита" разнообразила набор средств, которые она предлагает трудящимся для противодействия правительственной политике

приватизации. Ныне она предлагает использовать здесь все разрешенные действующие законодательством Российской Федерации формы протеста: предупредительные "антиприватизационные забастовки" на предприятиях и в учреждениях, намеченных на проведение приватизации, которые могут дать особый эффект в "небольших городах"; рабочие собрания и митинги, отвергающие предложенный администрацией вариант приватизации, создание "комитетов по контролю над приватизацией" и, наконец, тактика затягивания решения о приватизации, вполне эффективная, по мнению лидера "Защиты" Юрия Леонова, учитывая бюрократический стиль проведения реформ, характерный для нынешнего российского правительства[8].

В случае принятия трудовым коллективом приватизации "Защита" предлагает избрать наиболее приемлемый ее вариант (конкретно, вариант 2, который дает трудовому коллективу 51% акций) и самым серьезным образом подготовиться к проведению приватизации: создать такую приватизационную комиссию, которая "сможет посильно защищать интересы рабочих и ИТР", тщательно подготовить "нормальный устав" будущего акционерного общества, составленный таким образом, чтобы он защищал прежде всего интересы трудового коллектива, а не администрации, добиться принятия нового колдоговора до утверждения плана приватизации Госкомимущества, в котором специально оговаривать, что он действует на данном предприятии и после его приватизации и, наконец, после проведения приватизационной операции "искать "прорехи" в законодательстве", чтобы усилить позиции трудового коллектива на приватизируемом предприятии, создав специальные фонды приватизации с открытием многих лицевых счетов работников, что позволило бы им со временем выкупить контрольный пакет акций[9].

Свои достаточно радикальные методы влияния на правительство предлагает еще одна оппозиционная организация - Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся. Его руководство предлагает действовать через "структуры массового сопротивления трудящихся". "Изменение (...) форм собственности на каждом конкретном предприятии, - говорит член Совета представителей СМОТ Анатолий Матвеенко, - должно стать следствием разрешения конфликта в вопросе распределения прибыли между государством и трудовым коллективом (...). Чем раньше рабочие, служащие-специалисты до предела обострят отношения с администрацией, работающей в стиле прежних экономических отношений, тем быстрее будут меняться формы хозяйствования, собственности, стиль управления (...). Только в этом случае приватизация имеет необходимые условия своего осуществления и является следствием естественной эволюции экономических отношений"[10].

Более умеренными в вопросе об отношении к правительственной политике приватизации являются позиции профсоюзов, регулярно сотрудничающих с правительством,- Объединения профсоюзов России СОЦПРОФ и Независимого профсоюза горняков России. Эти профсоюзы пытаются скорректировать правительственную политику главным образом, как выражается НПГР, с помощью "комплекса мирных способов воздействия на существующие властные и управленческие структуры", рассматривая при этом забастовку как крайнее средство[11].

Однако и среди этих профсоюзов имеются серьезные расхождения во взглядах на проблему приватизации. СОЦПРОФ, например, не разделяет уверенности определенной части активистов НПГР, надеющихся существенно улучшить материальное положение трудящихся путем привлечения их к участию в управлении предприятиями и совладению собственностью. Как считает председатель КС СОПРОФ Сергей Храмов, рабочему проще и лучше как можно выгоднее продать свою рабочую силу. Поэтому им предпочтительнее не тешить себя надеждами быстро разбогатеть с помощью приватизации, а добиваться своих целей, объединяясь в свободные профессиональные союзы и с их помощью заключая с работодателями устраивающие их коллективные соглашения и договора[12].

Это скептическое отношение к надеждам некоторых групп трудящихся существенно поправить свои материальные дела с помощью приватизационных чеков, обращенных в акции, послужило для СОЦПРОФа основанием для фактического отказа от какой-либо определенной позиции в отношении приватизации. Однако со временем по мере развертывания кампании по подготовке и началу "ваучеризации", руководство СОЦПРОФа стало все более определяться в отношении к приватизации вообще и правительственной программе в частности. В результате скептицизм лидеров СОЦПРОФа стал быстро трансформироваться в политику фактически активной поддержки правительственной программы приватизации. Одним из последних свидетельств этому служит письмо Сергея Храмова председателю Госкомимущества Анатолию Чубайсу от 24 октября 1992 г. В нем содержалось предложение подписать совместный протокол "О принципах взаимодействия между Госкомимуществом РФ и СОЦПРОФ" по "скорейшей реализации комплекса приватизационных мер в соответствии с законодательством о приватизации и законодательством о труде" (этот протокол был подписан 22 декабря). Здесь же СОЦПРОФ изъявил готовность взять на себя ведение "разъяснительной работы по государственной программе приватизации и указам Президента РФ о широкомасштабном акционировании и приватизационных чеках", которую он планирует осуществлять, с одной стороны, через привлечение экспертов СОЦПРОФа для работы в Агентствах по домам, комиссиям по приватизации на соответствующих уровнях и, с другой, через созданные им специально для этого в ряде городов России "общественные консультационные центры с участием соответствующих комитетов по управлению имуществом на местах".

Не столь оформившейся выглядит позиция СОЦПРОФа в вопросе о выборе конкретного варианта приватизации. Вначале руководство профобъединения высказывалось против варианта 2 правительственной программы приватизации. "Приватизация в пользу трудового коллектива, - говорил в одном из своих интервью Сергей Храмов, - это большевизм чистой воды. Если уж раздавать часть акций бесплатно, то при соблюдении двух условий: акция, полученная бесплатно, не дает право голоса и может быть продана бесплатно"[13]. Однако позднее руководство СОЦПРОФ похоже стало все более склоняться к поддержке именно варианта 2 правительственной программы приватизации. Во всяком случае об этом неоднократно говорил в последнее время автору настоящей статьи лидер СОЦПРОФ Сергей Храмов.

Что же касается НПГР, то он полагает, что следует вести борьбу одновременно по двум направлениям, отстаивая интересы как тех трудящихся, которые не хотят становиться акционерами, желая сохранить свой прежний статус наемных работников, так и тех из них, кто "стремится участвовать в управлении шахтами, стать реальными хозяевами предприятий". Важно лишь, заявляет НПГР, чтобы это различие в позициях не стало бы "поводом для (...) противостояния" трудящихся и "препятствием для согласования и единства действий членов НПГР в конкретных ситуациях"[14]. Руководствуясь подобными соображениями, НПГР следующим образом формулирует свою позицию в отношении грядущей приватизации экономики. Независимый профсоюз горняков России, говорится в одной из главных резолюций учредительного съезда НПГР, в качестве основной задачи "... выдвигает остаивание социально-экономических интересов наемных работников, считая, что большинство предприятий горной промышленности останется в государственной собственности. Но так как переход к рыночным отношениям предполагает изменение форм собственности и хозяйствования на отдельных предприятиях, а проводимые разгосударствление и приватизация идут в интересах старой и новой номенклатуры, НПГ России будет настаивать на том, чтобы в ходе проведения этих реформ трудящиеся имели возможность добровольного и сознательного выбора. На первом этапе таких реформ необходимо добиться возможности взять государственные предприятия в полное хозяйственное ведение трудовых

коллективов с делегированием им прав найма администрации и самостоятельного распределения доходов. Дальнейшее изменение форм собственности производить только на основании решения трудового коллектива.

Для тех горняков, которые намерены участвовать в этих реформах, НПГ России будет добиваться от правительства проведения разгосударствления и приватизации собственности только при:

- получении трудящимися и профсоюзами исчерпывающей информации по всем проблемам, связанным с этими реформами;

- проведении под контролем профсоюзов и трудовых коллективов независимой экспертизы о перспективах развития предприятия;

- наличии социальных государственных фондов для смягчения трудностей приватизации;

- гарантировании прав всех прав трудящихся, работающих на приватизированных предприятиях"[15].

Промежуточное положение между течением,в целом поддерживающим политику правительства, назовем его "конструктивная оппозиция", к которому можно отнести СОЦПРОФ и НПГР, и течением, выступающим в отношении правительственного курса реформ с позиции "жесткой оппозиции", занимает Федерация независимых профсоюзов России. ФНПР не отвергает саму идею приватизации и высказывает готовность выступить в ее поддержку "как формы реформирования собственности" при условии, если она проводится "в интересах трудовых коллективов, по их решению и мере готовности"[16]. Однако нынешняя правительственная политика приватизации не устраивает ФНПР, ибо в основе ее лежат нормативно закрепленные принципы, которые ликвидируют "большую часть социальных завоеваний" трудящихся, ограничивается сфера влияния профсоюзов и не является целью - и это, по мнению Федерации, главное - "сохранение рабочих мест и расширение производства". К тому же, заявляет ФНПР, она проводится непродуманно, в спешке, с многочисленными нарушениями существующего законодательства, сопровождается коррупцией и актами произвола местной администрации. ФНПР, следовательно, против подобной реформы собственности, которую она называет "номенклатурной приватизацией". Она видит свою стратегическую задачу в том, чтобы на всем протяжении приватизации, которую ФНПР рассматривает как "длительный процесс", эффективно защищать "интересы трудовых коллективов в рамках законодательства от давления и произвола чиновников органов Госкомимущества и администрации, от коррупции, организовывать широкую разъяснительную кампанию, методическую помощь трудовым коллективам". Иными словами, констатирует ФНПР, речь идет о том, чтобы через участие профсоюзов в процессе приватизации "возглавить (ее) ход"[17].

Определив свою стратегическую цель, ФНПР намечает и тактические цели. Основная из них состоит в том, "чтобы добиться от народных депутатов, правительства корректировки Программы приватизации с учетом интересов трудящихся"[18]. В качестве основных положений подобной "корректировки" предлагается:

- отменить жесткие сроки принудительного акционирования;

- снять ограничения на использование ваучеров для приватизации муниципальной собственности по второму варианту льгот;

- индексировать стоимость ваучеров в соответствии с ростом цен и переоценкой стоимости основных фондов;

- обеспечить государственные гарантии использования ваучера как ценной бумаги, ввести в действие в 1993 году именные счета и вклады в соответствии с Законом РСФСР "Об именных приватизационных счетах и вкладах РСФСР";

- ускорить процесс создания фондового рынка и региональной сети инвестиционных фондов, обеспечить государственный контроль для предотвращения спекуляции и скупки ваучеров в коммерческом секторе экономики;

- обеспечить равенство всех групп населения при использовании ваучеров. Разработать совместно с профсоюзами механизм дополнительных мероприятий по участию в процессе приватизации трудящихся бюджетных отраслей и коллективов предприятий, не подлежащих акционированию. Обеспечить эффективный контроль за целевой социальной поддержкой слабозащищенных слоев населения за счет доходов от приватизации;

- гарантировать в соответствии с законодательством права трудовых коллективов в выборе формы собственности и способа приватизации. Разрешить все виды собственности (в первую очередь, коллективную и другие);

- предоставить трудовым коллективам льготы при акционировании по второму варианту;

- предоставить трудовым коллективам право выкупа предприятий с погашением платежей в рассрочку;

- обеспечить безвозмездную передачу трудовым коллективам права собственности на имущество, приобретенное за счет прибыли при хозрасчетной деятельности, с момента перехода на самоокупаемость и самофинансирование;

- разработать механизм сквозного акционирования важнейших производственных комплексов, связанных единой технологической цепью;

- привести Государственную программу приватизации государственной и муниципальной собственности в соответствии с законодательными нормами[19].

Свои альтернативные программы приватизации имеют некоторые представители профсоюзной "жесткой оппозиции" правительству. СМОТ, например, видит в качестве своей главной цели развертывание борьбы за "демократизацию процесса приватизации". Как явствует из одной листовки СМОТ, этого можно достигнуть через:

- предоставление профсоюзам исчерпывающей информации по всему кругу проблем, связанных с приватизацией;

- закрепление за ними права "на равноправное участие в процессе приватизации";

- формирование "социальных фондов для смягчения трудностей приватизации";

- обеспечение прав трудящихся на приватизированных предприятиях[20].

Еще более развернутой является программа конкретных действий трудовых коллективов в области приватизации, принятая на вооружение РСТК. Она состоит из двух основных блоков:

1. Комплекса мер, которые должны осуществить трудовые коллективы для того, чтобы во всеоружии встретить приватизацию государственной собственности. С этой целью предлагается:

- провести проверку финансовой деятельности предприятия и выработать план приватизации с учетом интересов трудовых коллективов;

- при заключении коллективных договоров (...) предусматривать в них конкретные обязательства со стороны администрации по обеспечению занятости и полноценного использования имеющихся рабочих мест, а также закрепления части собственности предприятий, образованной при использовании прибыли, в фонде предприятия, в лицевых счетах работников предприятия. Таким образом, за членами коллектива будет закреплена собственность, заработанная в период хозрасчета (с 1987 года);

- избрать на конференции своих представителей в комиссию по приватизации, не дожидаясь официального извещения о начале приватизации предприятия;

- создать товарищество из членов трудовых коллективов, зарегистрировать его в качестве юридического лица и настаивать на безвозмездной передаче ему части предприятия, приобретенного с момента введения хозрасчета или выкупленного за период аренды. Товарищество должно самостоятельно решать вопрос о распределении этой собственности между своими членами.

2. Пакета требований, который трудовые коллективы должны предъявить правительству с целью изменения существующего законодательства в области приватизации. Здесь РСТК требует:

- законодательно закрепить за трудовыми коллективами госпредприятий право собственности, приобретенной из средств хозрасчетного дохода или выкупленного за период аренды;

- ввести положение, что не менее 50% стоимости приватизируемого имущества должно быть оплачено именными приватизационными счетами граждан. До введения таких счетов могут применяться залоговые обязательства государства на право их использования;

- предоставить трудовому коллективу право выкупа своего предприятия в рассрочку на срок не менее трех лет с принятием самостоятельного решения о привлечении в товарищество граждан, не работающих на предприятии;

- при приватизации предприятия путем акционирования все акции, передаваемые трудовому коллективу, должны быть голосующими;

- трудовому коллективу должно быть предоставлено право запрета на участие в приватизации иностранных инвесторов;

- из законодательных актов должны быть изъяты любые упоминания об особых правах управленческого персонала предприятий, корпораций, министерств, департаментов при приватизации;

- на переходный период имущество государственных предприятий должно быть передано трудовому коллективу в хозяйственное ведение;

- немедленно рассмотреть закон о трудовых коллективах, проект которого был передан МСТК председателю ВС РСФСР Хасбулатову Р.И.[21].

Программные установки и конкретные предложения различных представителей профсоюзного движения России убеждают в том, что в настоящее время между программой приватизации российского правительства и позициями профсоюзов существуют заметные расхождения во взглядах. Речь идет прежде всего о понимании сущности процесса реформирования собственности, а также методов проведения приватизации, где правительственная программа - и особенно ее практика подготовки "ваучеризации" - вызвали острую критику со стороны большинства российских профсоюзов.

Все более явственными становятся различия и в понимании стратегических целей приватизации. У правительства, похоже, речь идет о приватизации, утверждающей рыночную экономику, которая действует на принципах классического либерализма, существенно корректируемых присутствием в ней влиятельного блока мафиозных экономических структур с соответствующими нормами ведения своего "бизнеса". Профсоюзы же явно тяготеют к рыночной экономике с достаточно хорошо развитыми структурами правового государства и системы социальной защиты. Причем некоторые из них принципиально отвергают любую форму приватизации либо, наоборот, мечтают путем энергичных реформ структур собственности в кратчайшие сроки осуществить переход непосредственно в фазу развитой капиталистической экономики западного типа, напрочь отбрасывая иной вариант общественного развития, в том числе рыночного.

Как выразился однажды Анатолий Матвеенко, отражая подобные взгляды, "если уж стремиться к рынку, то это должен быть "хороший рынок". В противном случае, не имеет смысла менять "застойные" времена брежневского социализма на голодное времяпрепровождение в экзотических условиях капитализма таких стран, как Боливия, Бангладеш и им подобных"[22]. Все это несет большую потенциальную угрозу стабильности социальной обстановки в России.

Знакомство с позициями различных течений российского профдвижения по вопросу приватизации наводит также на мысль о том, что профсоюзы России в целом недостаточно хорошо подготовлены к тому, чтобы во всеоружии встретить начавшуюся приватизацию. И дело даже не только в том, что многие из них не имеют собственных более или менее глубоко проработанных альтернативных программ правительственному варианту приватизации. Гораздо печальнее то, что они раздроблены, идейно разобщены и политически не определились. Все это приводит к выводу, что разворачивающаяся сегодня приватизация вероятнее всего станет для российского профсоюзного движения тяжелым испытанием, и быть может, началом конца.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Под термином "организации профсоюзного действия" имеются в виду общественно-политические организации наемных трудящихся (рабочие союзы, союзы трудящихся, стачкомы, советы трудовых коллективов, организации типа Конферерации труда), которые в своей повседневной деятельности более или менее регулярно берут на себя функции социальной защиты, обычно свойственные профсоюзам. - В.Р.

Подробнее об этом см.: Рупец В.Г. "Становление профсоюзного плюрализма" - "Новое рабочее движение. Информационный бюллетень", 1992, N2, с. 3-5; Rupetz Valentin, Il processo di creazione e sviluppo del pluralismo sindaccil. In.: Za sindrome sovetica. Skritti sociologici rissi et ucraini sulla crizi ed una risposta italiana, Milano, Franco Angeli, 1992, п. 87-98.

2. См: "Рабочее движение". Приложение к газете "Рабочий", 1992, N3.

3. По данному вопросу руководство ФПАД России продолжает придерживаться позиции, сформулированной еще в ноябре 1990 г. на 2-м съезде ВАДД-ФПАД СССР. См.: Материалы 2 Внеочередного съезда Всесоюзной ассоциации авиадиспетчеров - Профсоюза авиадиспетчеров СССР. М., 1990. Обращение 2-го внеочередного съезда Всесоюзной ассоциации авиадиспетчеров - Профсоюза авиадиспетчеров к Президенту СССР М.С. Горбачеву, стр 3.

4. Подробнее см.: "Вести ФНПР", 1992, N3, с. 16; Информационный центр рабочего движения "КАС-КОР". Еженедельный информационный бюллетень, 1992, N11, с. 9; "Рабочий", 1992, N2; "Рабочее действие", 1992, N3; Свободные профсоюзы. Информационный бюллетень, 1992, N7, с. 8-9; там же, N8, с. 11-12.

5. А.Алексеев. Советская власть - последний оплот тоталитаризма, М., 1992, с. 3.

См.: Информационный центр рабочего движения "КАС-КОР". Еженедельный бюллетень, 1992, N11, с. 11.

7. "Рабочий", 1992, N2.

8. См: "Рабочее действие", 1992, N3.

9. Там же.

10. Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся. Информационный бюллетень, 1992, N85, с. 3.

11. Основные направления деятельности и принципы организации Независимого профсоюза горняков России, с. 3, 4-6.

12. См.: "Московский комсомолец", 8 августа, 1991 г.; Новые движения трудящихся: опыт России и других стран СНГ, М., 1992, с. 202.

13. См.: "Панорама", 1992, N1, с. 4.

14. Основные направления деятельности и принципы организации Независимого профсоюза горняков России, с. 2.

15. Там же, с. 1-2.

16. Позиция ФНПР по реализации Государственной программы приватизации - "Вести ФНПР", 1992, N3, с. 16.

17. Там же.

18. Там же.

19. Там же, с. 16-17.

20. СМОТ. Приватизация и профсоюзы.

21. Цит. по: Информационный центр рабочего движения "КАС-КОР". Еженедельный бюллетень, 1992, N11, с. 9-10.

22. СМОТ. Информационный бюллетень, 1992, N85, с. 3.

Германский фашизм и рабочее движение

С самого начала своего существования нацистская партия включила в свое название слово "рабочая", что свидетельствовало: одной из важнейших задач, стоявшей перед создателями НСДАП, было завоевание пролетариата. Это обеспечило национал-социалистам поддержку со стороны крупного капитала, который стремился вывести рабочий класс из-под влияния левых сил.

Юрий НЕРСЕСОВ

На первом этапе деятельности НСДАП основным средством привлечения рабочих была демагогическая пропаганда, развернутая вокруг первой программы партии - "25 пунктов". Программа предусматривала экспроприацию нетрудовых доходов (от ростовщичества), конфискацию военных прибылей и частичную национализацию крупных промышленных предприятий.

Такие лозунги привлекли на сторону нацистов определенную часть пролетариата. В основном это были ремесленники и низкоквалифицированные рабочие мелких предприятий, обычно поддерживающие либеральные и националистические партии.

После провала фашистского путча в ноябре 1923 года НСДАП была запрещена и фактически развалилась. Ее численность сократилась с 56 тысяч до 520 человек. Значительная часть рабочих-нацистов оказалась в рядах Немецкой народной партии свободы, возглавляемой отставным генералом Людендорфом и ближайшим сподвижником Гитлера Грегором Штрассером. Идеологом партии был младший брат Грегора Штрассера - Отто. Подобно Муссолини, Мосли, Дорио и другим известным фашистам, Отто Штрассер начинал политическую карьеру в рядах социал-демократов. В 1920 году он даже участвовал в подавлении реакционного капповского путча. Социальная программа, разработанная Штрассером-младшим, предусматривала отказ от выплаты немецким аристократам многомиллионных компенсаций за конфискованное во время революции имущество, огосударствление крупных промышленных концернов и экспроприацию помещичьих земель. Таким образом, в социальном плане программа этой части нацистского движения была очень близка левым социал-демократам и коммунистам. Пожалуй, именно к ней можно отнести модный сейчас термин - "красно-коричневые".

Партии Штрассера-Людендорфа удалось создать значительное число организаций в Северной и Восточной Германии. Однако среди собственно рабочих ее успехи были гораздо менее значительны. Не удалось добиться серьезного влияния и созданному в 1924 году "красно-коричневому" профсоюзу РФА.

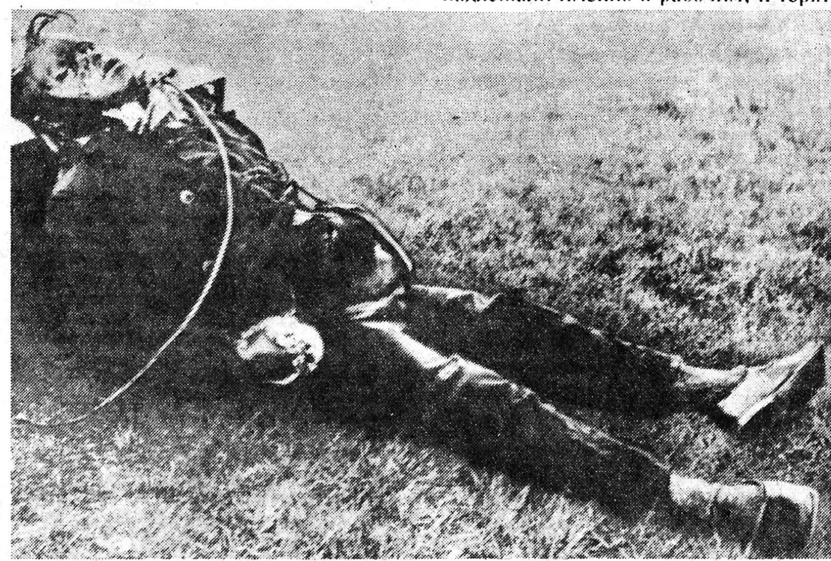
В 1925 году после легализации НСДАП в Немецкой Народной партии свободы произошел раскол. Большая часть ее во главе с братьями Штрассерами присоединилась к Гитлеру. В 1927 году партия окончательно распалась, а большинство активистов и трое делегатов рейхстага от партии воссоединились с нацистами.

После воссоздания НСДАП ее руководство официально отказалось от курса на вооруженный захват власти и решило сделать упор на парламентские методы борьбы. В связи с этим привлечение на свою сторону рабочего класса приобретало решающее значение. В 1930 году рабочие и члены их семей составляли 43% населения Германии. С учетом низших служащих, кустарей и домашней прислуги пролетариат составлял более половины граждан республики.

С другой стороны, чрезмерный упор на антикапиталистические лозунги мог лишить фашистов столь необходимой для них поддержки крупного капитала и командования вооруженных сил. Такая двойственность положения НСДАП привела к затяжному конфликту между Гитлером и Штрассером.

В ноябре 1925 года Штрассер созвал в Ганновере внеочередную партийную конференцию. На ней предполагалось заменить "25 пунктов" его программой. Конференция проходила крайне бурно и завершилась требованием Геббельса исключить Гитлера из партии. Вскоре, однако, выяснилось, что из 34 гауляйтеров (должность, соответствующая первому секретарю обкома КПСС) лишь 6 поддержали Штрассера, остальные выступали против или колебались. Тем временем Гитлер, получивший большие средства от промышленников, начал просто перекупать своих противников. Одним из первых перебежал к фюреру тот же Геббельс, назначенный за это гауляйтером Берлина.

Одержав победу над левой оппозицией, Гитлер, однако, был вынужден пойти на определенные уступки. Полностью добивать штрассеровцев было невыгодно. Это оттолкнуло бы от партии даже ту небольшую часть рабочих, которая в то время шла за НСДАП. До 40% штурмовиков (членов отрядов СА) принадлежали именно к рабочим, и терять

Молодой рабочий, зверски убитый немецкими фашистами. 1933 г.

их Гитлер не хотел. В итоге Штрассеру удалось сохранить позиции и уже летом 1926 года навязать партии дискуссию по профсоюзному вопросу. В ходе этой дискуссии, длившейся почти 3 года, выявились две основные тенденции: "левые" требовали создания полноценных национал-социалистических профессиональных союзов; "правые" же либо рекомендовали членам партии вступать в "желтые" предпринимательские профсоюзы, стоящие на позициях отказа от классовой борьбы, либо предлагали предоставить рядовым нацистам свободу выбора. Последние тем временем, не дожидаясь соглашения партийных боссов, начали создавать производственные ячейки снизу. Первой крупной акцией в этой области стало создание фашистами, работающими на заводе "Берлинер Кнорр-Брамзе А.Г", в 1927 году национал-социалистического боевого рабочего союза. Примеру берлинских нацистов последовали их товарищи в Мюнхене, Эссене и других крупных городах. К концу 1928 года было сформировано свыше 50 первичных производственных организаций НСДАП на крупных предприятиях.

«Миллионы за мной». Фотомонтаж художника Д. Хартфильда. 1932 г.

Под давлением рядовых членов руководители этих организаций начали требовать организационного объединения, которое позволило бы им конкурировать с существующими центрами. Опасаясь потерять контроль над производственными структурами в случае их несанкционированного объединения снизу, Гитлер был вынужден частично согласиться с этими требованиями. В 1929 году на Нюрнбергском съезде НСДАП была создана общегерманская Национал-социалистическая организация производственных ячеек (НСБО).

Пойдя на создание НСБО, нацистское руководство в то же время провело решение, запрещающее этой организации профсоюзную деятельность. НСБО должна была рассматривать себя как ударный отряд партии на предприятиях. НСБО было предложено, исходя из собственных экономических интересов, оставаться в прежних профсоюзах. Вообще по организации и задачам НСБО удивительно похожа на создаваемые сейчас под эгидой Российской Коммунистической Рабочей партии Советы рабочих. Правда, деятельность последних пока ограничивается коммунистической пропагандой на предприятиях и выведением людей на коммунистические ми-

тинги. НСБО была гораздо активнее: несмотря на запреты руководства НСДАП, ячейки НСБО вступали в конфликты с предпринимателями и участвовали в забастовках. Иногда НСБО служила рычагом воздействия на отдельных промышленников, отказывавшихся финансировать НСДАП.

Чтобы окончательно лишить НСБО всякой самостоятельности, руководство нацистской партии создало в январе 1931 года особый отдел по руководству НСБО и специальную инспекцию, подчиненную непосредственно центру. Таким образом, каждая секция НСБО контролировалась местным руководством НСДАП, вышестоящим отделом по руководству производственными организациями и инспекцией. Для обеспечения численного роста НСБО было принято решение об обязательном вступлении в НСБО всех членов партии на предприятиях.

Несмотря на общий рост влияния НСДАП и принятые организационные меры, численность НСБО была гораздо меньше, чем у основных профсоюзов Германии. Контролируемое социал-демократами Всеобщее объединение немецких профсоюзов насчитывало в 1932 году 5 миллионов человек. Находившееся под влиянием католической партии центра Объединение христианских профсоюзов охватывало 1-2 миллиона рабочих и служащих. В прочих профсоюзных организациях состояло примерно 800 тысяч человек. В то же время численность НСБО была немногим более 100 тысяч.

Нацистам не удалось перетянуть на свою сторону организованную часть рабочего класса. Практически весь электорат НСДАП был взят у буржуазных и националистических партий. Среди собственно членов партии рабочих было в разное время от 15 до 30%, в то время как среди всего населения рабочие и члены их семей составляли 43%. Снижение удельного веса рабочих в национал-социалистических организациях привело к резкому падению влияния левого крыла.

Не сумев завоевать авторитет среди рабочих, левые нацисты продолжали пугать своими антикапиталистическими лозунгами крупную буржуазию. Правое крыло НСДАП (возглавляемое, в частности, Герингом), усилило нажим на фюрера, чтобы заставить его окончательно отмежеваться от левых. Из программы НСДАП исчезли обещания аграрной реформы, а национализация крупных предприятий свелась к конфискации собственности евреев. Не согласная с таким поворотом группа Отто Штрассера вышла из партии. Остальные левые нацисты, в частности Грегор Штрассер и глава НСБО Мухов, решили подчиниться.

Отколовшаяся от НСДАП группа Штрассера-младшего получила название "Черный фронт". Ее штурмовые отряды носили черные рубашки вместо традиционных коричневых и приветствовали друг друга не "Хайль Гитлер!", а "Хайль Дойчланд!". Свастика на знамени была заменена молотом и мечом. Численность "Черного фронта" не превышала 20 тысяч человек, что составляло примерно 2% от общей численности НСДАП. Крайне слабой была и материальная база фронта. Он не получал финансовой помощи от германских монополий, как нацисты, не пользовался деньгами советского правительства, как коммунисты, и не мог использовать профсоюзные взносы, как социал-демократы.

Изготовление фашистской свастики - экзамен на получение производственного разряда. 1934 г.

Трудности команды Штрассера усугубились с провозглашением компартией политики национального и социального освобождения Германии. Компартия временно отказалась от лозунгов мировой революции и экспроприации собственности мелкой и средней буржуазии. Это привело к расширению влияния партии среди средних слоев населения. На выборах в ноябре 1933 года коммунисты получили около 6 миллионов голосов, выйдя на третье место после национал-социалистов и социал-демократов, причем если эти партии потеряли с июля по ноябрь 2-7 миллиона голосов, то коммунисты приобрели более 700 тысяч. К союзу с ними стали склоняться как левые эсдеки, так и левые нацисты. Многие боевые отряды "Черного фронта" присоединились к Антифашистской Лиге (военизированные отряды компартии).

Страх перед коммунистической угрозой вынудил правящие круги Германии поторопиться с передачей власти Гитлеру. 30 января 1933 года было сформировано коалиционное правительство национал-социалистов и Немецкой национальной народной партии. Нацисты получили подавляющее большинство министерских портфелей, а Гитлер стал рейхсканцлером (премьер-министром).

У коммунистов и социал-демократов были немалые шансы добиться смещения правительства. По количеству мест в парламенте и численности военизированных отрядов левые партии почти не уступали правительственной коалиции. Кроме того, в их руках было такое мощное оружие, как всеобщая забастовка. Однако никаких активных действий предпринято не было. В течение всех предшествующих лет коммунисты и социал-демократы вели непримиримую борьбу друг с другом. Обе партии ориентировались в основном на рабочих и часто, борясь за их голоса, забывали все правила приличия. Негативную роль сыграли и предписание сталинско-зиновьевского Коминтерна считать социал-демократию фашистским движением, и соглашательская политика социал-демократов, не желающих блокироваться с коммунистами из боязни испортить отношения с буржуазией. Боясь усиления друг друга, как коммунисты, так и социал-демократы часто стремились использовать против конкурентов национал-социалистов. Так, контролируемая социал-демократами прусская полиция сурово реагировала на несанкционированные мероприятия коммунистов и сквозь пальцы смотрела на аналогичные акции нацистов. В то же время при проведении референдума о статусе Пруссии коммунисты по указанию из Москвы поддержали нацистов. Необходимо отметить, что рядовые коммунисты и социал-демократы во многих случаях активно сопротивлялись политике своего руководства. На уровне местных отделений и особенно низовых военизированных формирований совместные антифашистские акции рабочих партий были достаточно частым явлением.

После прихода Гитлера к власти как коммунисты, так и социал-демократы быстро ощутили порочность своей политики. Компартия была разгромлена в первые же месяцы после создания нацистского правительства. Затем настал черед профсоюзов и социал-демократов: уже в марте правительство распустило их военизированные формирования. Не дождавшись даже формальных протестов, гитлеровцы решили окончательно разделаться с рабочим движением. В целях маскировки правительство объявило о сохранении выходного дня 1 мая с переименованием праздника в День национального труда (вам это не напоминает

последние действия российского правительства?). Руководство профсоюзов призвало трудящихся к сотрудничеству с режимом и приняло активное участие в нацистском первомайском митинге. На следующий день штурмовики и эсэсовцы по всей Германии захватили Дома профсоюзов, отделения банка рабочих и служащих, а также местные профсоюзные кассы и газеты. 3-4 мая все профсоюзы Германии заявили о полном подчинении НСДАП. В течение последующих месяцев самораспустилась социал-демократическая партия и все остальные партии Германии. Место профсоюзов занял Немецкий Трудовой фронт (ДАФ). В нацистской Германии эта организация играла ту же роль, что и наш ВЦСПС. Наряду с наемными рабочими в ДАФ входили и предприниматели.

Расправа гитлеровцев с антифашистами в ночь поджога рейхстага. Берлин. 1933 г.

Разобравшись с внешней оппозицией, Гитлер принялся за внутреннюю. Уже летом 1933 года началась чистка НСБО и штурмовых отрядов от радикальных элементов, принявших всерьез антикапиталистические лозунги НСДАП и пытавшихся осуществить их на практике. Уже к концу года из СА было изгнано около 200 тысяч штурмовиков. Наиболее сильный удар по ним нанесли события 30 июня 1934 года, завершившиеся уничтожением почти всей верхушки. Сильный удар был нанесен и по НСБО. Ее лидер Мухов погиб при неясных обстоятельствах, ближайшие его сотрудники были сняты со всех постов. Молодежные организации НСБО были распущены, их члены вливались в союз гитлеровской молодежи, а сама НСБО превратилась в центр пропагандистской деятельности Трудового фронта.

Всем этим репрессивным мероприятиям правительства рабочие сопротивлялись очень слабо и неорганизованно. Это было вызвано не только дезорганизующей политикой левых партий и массовым террором властей, но и чисто социально-экономическими причинами. Нацистам сильно помогло совпадение их прихода к власти с началом выхода страны из экономического кризиса. Одновременно была принята широкая программа общественных работ, включающая развитие дорожной сети, увеличение жилищного строительства и работы на селе. Расширению занятости способствовало также снижение налогов на инвестиции. Огромную роль в снижении численности безработных сыграли развитие военной промышленности и принятие в 1935 году закона о всеобщей воинской повинности, после чего безработица среди юношей практически свелась к нулю. Если к началу 1933 года в Германии на 11,5 миллиона занятых приходилось 8,5 миллиона зарегистрированных и незарегистрированных безработных, то к 1939 году число безработных составляло немногим более 100 тысяч. Рост занятости сопровождался увеличением заработной платы. В среднем по стране номинальная зарплата выросла с 1932 по 1939 год на 35%, а например в машиностроении, приборостроении и строительстве она увеличилась на 45-50%. Следует, однако, иметь в виду, что рост зарплаты и снижение безработицы сопровождались удлинением рабочей недели с 41,5 до 48,7 часов и вытекающим из этого усиливающимся износом рабочей силы и ростом травматизма. В целом, хотя положение рабочего класса и улучшилось по сравнению с периодом мирового экономического кризиса, предкризисного уровня оно полностью так и не достигло. Полученное улучшение было достигнуто в результате форсированной подготовки к войне и проведения политики агрессии. Принеся некоторые дивиденды на первом этапе войны, эта политика в дальнейшем привела Германию к полному военному и экономическому краху.

Немалую роль в достижении "классового мира" сыграли принятые правительством программы "Зимняя помощь" и "Сила через радость". Первая программа представляла собой массовый централизованный сбор средств со всех слоев населения с последующей покупкой на собранные деньги предметов первой необходимости для малоимущих. За три года было собрано более миллиарда марок, каждый год в среднем помощь получали 14,5 миллиона человек. Эффект от этого был примерно такой же, как от "гуманитарной помощи", оказываемой России нашими заклятыми друзьями из Европы и США. Но не меньшей была и пропагандистская шумиха вокруг этих акций.

Программа "Сила через радость" включала организацию досуга трудящихся масс: бесплатное посещение кинотеатров, заводских концертов, танцевальных вечеров и туристских секций. По сравнительно небольшой цене организовывались путешествия и круизы. Так, двухнедельная поездка в Швейцарию стоила вместе с питанием 65 рейхсмарок, что равнялось половине месячной зарплаты промышленного рабочего. Хотя такая форма отдыха обеспечивалась за счет страхового и пенсионного фонда, а также за счет вычетов из зарплаты, она способствовала примирению рабочих с нацистским режимом.

Не следует забывать, что в стране полностью отсутствовала свобода печати, трудящиеся не могли сравнивать свое положение с положением своих коллег в других странах. Пользуясь этим, нацистская печать не без успеха создавала впечатление, что только Германия и ее союзники смогли преодолеть последствия кризиса, а следовательно, они живут намного лучше жителей прочих государств.

Все это наряду с массовыми арестами (с 1933 по 1939 год по политическим мотивам было осуждено 225 тысяч человек) привело к постепенному отходу от антифашистской борьбы большей части рабочего класса. Это хорошо показали выборы в "Советы доверенных" предприятий (фиктивные нацистские СТК, заменившие распущенные фабрично-заводские комитеты). На выборах 1934 года нацисты получили от 7 до 20% голосов - остальные голосовали против или портили бюллетени. На выборах 1936 года за них голосовало на разных предприятиях от 40 до 90%. Последующий отход рабочих от позиции "консенсуса" с правительством был обусловлен поражениями германской армии на фронте и ухудшением материального положения. Тем не менее эффективного сопротивления режиму со стороны левых и рабочих организаций так и не было оказано. Все партии и организации, способные это сделать, были к тому времени разгромлены.

Манифест демократического самоуправления

Автор предлагаемого читателю "Манифеста демократического самоуправления" комментатор Радио "Свобода" и сотрудник Института самоуправления во Франкфурте-на-Майне Вадим Белоцерковский написал его для Союза трудовых коллективов, однако этот текст не был принят органами СТК. Нам кажется, однако, что содержащиеся в "Манифесте" идеи заслуживают внимания и могут оказаться небесполезны профсоюзным активистам, всем, кто заинтересован в поисках альтернативы правительственному курсу.

Вадим БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ

Наша главная цель - общество демократического самоуправления, самоуправления на всех уровнях: на предприятиях и в учреждениях, в городах и областях, в национальных регионах. Мы намерены ликвидировать тоталитарные и авторитарные порядки не только в государственной структуре, но и в трудовых ячейках общества. Демократия должна вступить внутрь предприятий и учреждений, Советы Трудовых Коллективов должны получить права законодательных органов власти, администрация - исполнительных.

Такая демократия может быть здоровой и экономически эффективной только на основе преимущественно групповой трудовой формы собственности, когда каждый работник, от директора до уборщицы, будет совладельцем капитала предприятия (учреждения, будет иметь в нем свою долю, равную или пропорциональную трудовому вкладу (зарплате, стажу) - как решит коллектив. И будет свободен в любой момент выйти из коллектива с денежным эквивалентом этой доли, а член коллективного сельского предприятия - и с долей земли или ее денежным эквивалентом, по желанию выходящего. Но уходя таким образом из коллектива, работник теряет права собственности, теряет право на участие в прибылях и управлении предприятием, то есть он продает свою долю коллективу в обязательном порядке. Так принято в уставах большинства групповых предприятий на Западе, стоящих на принципе: **кто работает, тот и владеет!**

Мы намерены этому принципу следовать. В то же время, каждый вступающий в коллектив работник должен иметь право купить (в рассрочку или взяв кредит в банке) долю капитала предприятия и получить тем самым право участия в прибылях и управлении предприятием, получить право решающего голоса в делах трудовой ячейки.

В соответствии с принципом "кто работает, тот и владеет" групповые предприятия на Западе как правило не выпускают акций в свободную продажу, и мы также намерены этому следовать, чтобы не работать на кого-то на стороне и не утратить прав собственности. Для получения средств на развитие производства (и для перелива капитала из отрасли в отрасль) необходимо создание инвестиционных фондов по модели федерации групповых предприятий "Мандрагона" в Испании и кооперативных банков. В инвестиционные фонды должны поступать деньги от продажи госпредприятий трудовым коллективам и определенная доля от прибыли групповых предприятий. Эти фонды должны будут финансировать создание новых предприятий для продажи новым трудовым коллективам и предоставлять беспроцентные кредиты для действующих групповых предприятий.

Рыночная система, созданная преимущественно на основе групповых предприятий, будет принципиально отличаться от капиталистической системы, так как групповые предприятия не стремятся к расширению, к поеданию друг друга, к монополизму и подавлению свободы конкуренции. Цель деятельности групповых предприятий не накопление капитала, а "накопление" благосостояния членов трудовых коллективов и улучшение условий труда. Человек и природа в этом случае перестанут быть средством накопления капиталов, и общество получит возможность жить, не разрушая психику человека и природу.

ВОПРОС О ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Как капитализм, так и государственный социализм разными способами ведут дело к одному и тому же - к изъятию у людей собственности на средства производства, "кормящей" собственности, ведут к тому, что все большее число людей становится наемными работниками и попадают в полную зависимость от работодателей. Нравственное вырождение и тех и других становится следствием этого процесса. В частности и капиталистический, и госсоциалистический строй приводят к разорению большей части крестьянства, к резкому сокращению его численности, что отнюдь не является благом. Пример тому американское сельское хозяйство. Его чрезмерная интенсификация плохо сказывается на качестве продуктов и здоровье людей.

Наша генеральная цель здесь - сделать большинство людей собственниками средств производства и земли, сделать их тем самым свободными и независимыми. Мы исходим из принципа неприкосновенности частной собственности: все, сделанное человеком, его собственность, - и потому выступаем против наемного труда, так как работодатель, будь то государство или частник, присваивает себе значительную часть собственности наемных работников. Тем не менее, мы не намерены ограничивать частное пред-

принимательство, но оно должно идти за счет частных средств, а не экспроприации (скупка за бесценок или вообще бесплатно) государственного имущества, по праву принадлежащего обществу. Мы за то, чтобы предоставить капиталистическим формам равные права с групповыми, мы за честное соревнование, и если в ходе его капиталистический сектор начнет побеждать и вытеснять групповой, то так тому и быть. Но мы убеждены в своей победе. Групповые предприятия на Западе как правило превосходят частные и акционерные фирмы в экономической эффективности, не говоря уж об условиях и оплате труда. И причина этого проста: люди в групповых предприятиях работают сами на себя. В США, к примеру, число групповых предприятий сейчас дошло уже до двух тысяч и еще более восьми тысяч находятся в процессе выкупа. В общей сложности на этих предприятиях занято более 10% рабочей силы страны. В начале 70-х годов их было в три раза меньше. Побеждали, между прочим, групповые, кооперативные предприятия и в России перед революцией, особенно в Сибири, где они бурно развивались в сфере переработки и сбыта сельскохозяйственной продукции.

Скептики часто указывают на неудачу самоуправления в Югославии. Но там не было трех главных условий эффективности самоуправления: групповой собственности, рынка и политической демократии.

ПРОБЛЕМА ДОБРОСОВЕСТНОСТИ ТРУДА

Мы полагаем, что в России и других индустриальных регионах СССР главным условием создания процветающего общества является воспитание добросовестного отношения к труду. Без этого Россию ждет судьба стран третьего мира. Предприимчивых людей хватает во всех капиталистических странах, однако высокое качество жизни существует лишь в немногих из них, именно там, где имеется добросовестное отношение к труду среди большей части работников всех уровней. И нам представляется очевидным, что в России воспитание добросовестности возможно уже только в условиях артельного труда, внутренней демократии, в условиях работы на себя. На любой авторитарный, дисциплинарный режим у россиян выработан прочный рефлекс: обманывать начальство, обходить приказы и инструкции, "гнать туфту". В том числе и у самого начальства укоренен тот же рефлекс по отношению к вышестоящему начальству. И от того, что начальниками станут менеджеры или хозяева-капиталисты, этот рефлекс отнюдь не исчезнет. В России он начал складываться задолго до революции! "На дядю", любого, российский человек добросовестно работать не будет. Тем более, что в России может утвердиться только государственно-капиталистический режим, когда главным собственником большинства предприятий останется под акционерным соусом государство, госаппарат, ВПК. В этих условиях возможно лишь дальнейшее падение трудовой морали.

УСТРОЙСТВО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Мы выступаем за создание палат самоуправления в законодательных органах власти всех уровней, которые должны будут формироваться из представителей самоуправляющихся предприятий на выборах по производственному принципу и будут обладать правом решающего голоса в определении социально-экономической политики государства. В палатах самоуправления должны быть также представлены объединения кооператоров, фермеров, ремесленников и людей творческих профессий. Одной из важнейших функций палат самоуправления будет контроль над инвестиционными фондами.

Параллельно мы намерены выдвигать представителей нашего движения кандидатами на выборах в политические палаты законодательных органов, проводимых по партийно-территориальному принципу.

Мы будем стремиться к развитию всех форм прямой демократии, чтобы каждый гражданин страны имел право решающего голоса во всех структурах, в которых он будет состоять либо как гражданин (район, город, область, республика), либо как совладелец (предприятие, коммерческое учреждение).

Мы будем стремиться к тому, чтобы каждый гражданин имел права, которыми сейчас обладают в лучшем случае лишь депутаты парламентов.

Предлагаемое нами устройство власти, кроме всего прочего, ликвидирует положение, когда депутаты зависят от своих избирателей только во время выборов, а в период между ними - от различных закулисных сил или партий.

ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

В этот период мы будем бороться за то, чтобы трудовые коллективы всех подлежащих денационализации предприятий стали по закону правопреемниками государства и определяли бы форму хозяйствования на своих предприятиях.

После перехода предприятий в собственность трудовых коллективов они должны выплачивать в рассрочку ту часть средств, затраченных государством на создание предприятия (минус процент амортизации), которая еще не оплачена предыдущими изъятиями в казну доходов предприятий. Таким образом будут и выравниваться в значительной мере стартовые условия новых и старых, дорогих и дешевых предприятий. Старые и дешевые будут передаваться коллективам бесплатно.

Инвестиционные фонды должны будут предоставлять этим коллективам беспроцентные кредиты для модернизации их оборудования.

Существующие законы о приватизации (союзный и российский) мы считаем сработанными в пользу номенклатуры и госкапитализма и будем добиваться их изменения. Все предприятия и учреждения, перешедшие в собственность созданных государством акционерных организаций и в частные руки, должны быть переданы в собственность трудовых коллективов, если они этого пожелают.

И власти, и сторонники капитализации экономики (обычно называющие себя сторонниками рыночной системы) клятвенно обещают обеспечивать социальную справедливость и защищенность "людей труда". На наш взгляд, эти обещания либо заведомая ложь, либо глупость и самообман. Социальные гарантии и помощь людям, работающим по найму или живущим на пенсии и стипендии, могут обеспечиваться лишь при наличии достаточных благ в стране и денег в казне (твердых, "тяжелых" денег) плюс отработанное трудовое законодательство и мощные опытные профсоюзы. Ни того, ни другого, ни третьего нет в стране и не предвидится в обозримом будущем. Единственная реальная гарантия для человека труда в переходный период - это опять же владение средствами производства, когда работники смогут сами, согласуясь с рынком, назначать цену своей продукции и, согласуясь с доходами, зарплату, а имея контроль над экономической политикой правительства, смогут максимально смягчать структурную перестройку промышленности и увеличивать пенсии и стипендии в случае роста цен.

При необходимости сокращать персонал предприятий и учреждений трудовые коллективы будут делать это в максимально ограниченных масштабах, будут думать о создании новых производств для сохранения рабочих мест, будут сообща разрабатывать наиболее

справедливые и гуманные правила и критерии для сокращения излишнего персонала. При сокращении же в авторитарных условиях, будь то на государственном или частном предприятии, неизбежны произвол и жестокость, чрезмерность и хамство - все, чем славится советский чиновник и администратор. Неизбежны социальные конфликты и потрясения.

Предлагаемый нами путь перехода к рынку, когда субъектами перехода станут трудовые коллективы, сделает социальные конфликты маловероятными. Кроме того, движение за овладение средствами производства и налаживание самоуправления породит у людей энтузиазм, а он, как известно, помогает переносить трудности и лишения.

* * * * *

Итак, мы выступаем за утверждение основ нового общественного строя, который синтезирует лучшие черты капитализма и марксистского социализма и элементы которого уже развиваются в недрах капиталистического общества. Иными словами, выступаем за здоровую, по определению академика Сахарова, конвергенцию капитализма и государственного социализма. Путь этот ведет к снятию извечного антагонизма между частной собственностью и коллективной, между стремлением к личному обогащению и интересами общества, между стремлением к самоутверждению и единению с людьми. Ведет к ликвидации эксплуатации человека человеком и к ликвидации произвола и издевательства человека над человеком, к ликвидации последней формы рабства - наемного труда.

Раб, крепостной, наемный работник, работник-собственник средств производства - такой нам видится эволюция человека к свободе.

Мы убеждены, что программа демократического самоуправления единственно способна поднять в России массовое движение, без которого невозможно оттеснить номенклатуру (старую и новую) от рычагов власти и ликвидировать господство ВПК. Поэтому мы призываем все демократические группы, партии и объединения к сотрудничеству с Союзом Трудовых Коллективов - с целью создания массового демократического движения. Такое движение должно было быть создано уже давно, и тогда страна могла бы избежать нынешнего катастрофического кризиса. Но лучше поздно, чем никогда. И будем надеяться, что еще не слишком поздно.

СПРАВКА "ДОМА СОЮЗОВ":

Вадим БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ *родился в 1928 году в Москве в семье писателя и "старого большевика" В.М. Билль-Белоцерковского. В 1952 году окончил химфак МГУ. Работал преподавателем химии и физики в средней школе рабочей молодежи.*

С 1957-58 гг. начал работать внештатным журналистом центральной прессы. В 1962-63 гг. в журнале "Москва" и в издательстве "Советский писатель" опубликовал повесть "В почтовом вагоне", в которой впервые описывался самоуправляющийся коллектив. Критика сочла повесть клеветнической (из-за показа тяжелых условий труда и жизни), и факт ее публикации стал предметом расследования в ЦК КПСС и КГБ.

В 1968 г., после оккупации Чехословакии и усиления идеологической цензуры в СССР, В. Белоцерковского уволили из "Литературной газеты", а издательство "Советский писатель" остановило набор сборника его рассказов, признав книгу идейно порочной. С того времени В. Белоцерковский уже не мог устроиться на штатную работу вплоть до выезда из СССР в ноябре 1972 г.

С 1970 г. начал принимать участие в правозащитном движении и писать для самиздата.

Эмигрировав на Запад, продолжал работать журналистом. В 1976 г. выпустил сборник статей "СССР - Демократические альтернативы", в который кроме своих статей включил работы ряда новых эмигрантов из СССР, либеральной и левой ориентации. Сборник имел успех в демократических левых кругах Запада, большую прессу, был издан на французском и немецком языках. В прессе же русской эмиграции вызвал волну негодования и обвинений в "идейной порочности": пособничество коммунизму, русофобия и клевета на Солженицына.

"С того времени, - пишет В. Белоцерковский, - русская эмигрантская пресса была закрыта для любых моих работ, закрыта более плотно, чем советская, в которой мне все-таки удавалось публиковать даже критические по отношению к советской действительности вещи".

В 1977 г. Вадим Белоцерковский издал книгу "Свобода, власть и собственность", а в 1985 г. появилось первое издание "Самоуправления", ставшего классическим трудом в этой области.

Левая, правая где сторона?

- Эх ты! - сказал Селифан.
- Да это и есть направо: не знает, где право, где лево!
Н.В.Гоголь

"Демократы", долго боровшиеся с КПСС, обычно называли себя левыми. Теперь левыми именуют себя оказавшиеся в оппозиции "коммунисты". Так кто же все они на самом деле?

Александр ТАРАСОВ

Сам термин "левые", конечно, - термин случайный и сути явления не отражающий. Просто как-то раз в сентябре 1789 г. сторонники неограниченной монархии в Учредительном собрании Франции оказались при голосовании на скамьях справа от председательствующего, а сторонники прогрессивных изменений - слева. Так дальше и пошло. Термин "левые" не только случаен, но и неудачен: во всех европейских языках слово "правый" семантически связано с понятиями "правильный", "верный", "хороший", "светлый", а "левый", по принципу оппозиций, - с понятиями "неправильный", "неверный", "плохой", "темный". Так что, когда французские правые в начале XIX века вновь стали именовать себя "правыми", а своих противников - "левыми", они, вероятно, учитывали такое подсознательное восприятие этих терминов. И слово "левые", как и "импрессионисты", было презрительной кличкой, которую заклейменные ею, однако, приняли и стали носить с гордостью.

Как бы там ни было, в мировой политической практике сложилось разделение на левых и правых, причем **правыми** принято считать **консерваторов,** т.е. сторонников сохранения существующих экономических, политических, социальных институтов, и **противников прогресса и прогрессивных преобразований.** Особую группу **правых** составляют **реакционеры.** Употребление этого термина часто неверно. Обычно реакционерами называют крайне правых, правых экстремистов, фашистов. На самом деле деление здесь проходит не по методам действий, а по приверженности общественному идеалу. **Реакционерами** в истинном смысле слова являются **сторонники реставрации предшествующих порядков** (например, при капитализме - феодальных). Другое дело, что фашисты и другие крайне правые почти неизбежно скатываются до возвращения к феодализму и средневековью в той или иной области.

Наоборот, **левыми** принято считать **сторонников прогресса, прогрессивных изменений.** Здесь также не обходится без путаницы. В частности, на "подлинную", "особую" левизну зачастую предендуют сторонники крайних методов борьбы (ультралевые), в то время как критерий левизны определяется не методами борьбы, а исключительно тем, ведет борьба тех или иных левых сил к экономическому и общественному прогрессу или нет. Установить прогрессивность тех или иных изменений мы можем только опираясь на критерий научности и критерий практики. Отказ от этих критериев обрекает всякие представления о прогрессе на субъективизм и догматизм.

Сегодня общественный прогресс видится как движение от простых форм общественного и экономического устройства к сложным, к увеличению разнообразия при усилении взаимозависимости, к уменьшению зависимости от стихийных факторов, к возрастанию духовной (интеллектуальной) активности, к переходу ко все более эффективно противостоящим энтропии системам, к формированию нового типа человеческой личности. Складывающееся сегодня новое (недогматическое) понимание социализма (коммунизма) достаточно хорошо коррелирует с такими представлениями о прогрессе.

В нашей стране ситуация особенно запутана тем, что на звание "левых" претендуют различные противостоящие друг другу политические силы, левыми, безусловно, не являющиеся.

Во-первых, "демократы", т.е., как теперь стало очевидно, - сторонники реставрации в стране классического капитализма. На первом этапе "перестройки" они именовали себя "левыми" совершенно сознательно: термин "правые" массовым сознанием советских граждан воспринимался негативно (ассоциировался с фашистами и т.п.). Парадоксально здесь то, что в тот недолгий период "демократы" действительно имели право именовать себя "левыми"! До тех пор, пока их деятельность была направлена на демократизацию общественной жизни страны и диверсификацию экономики - они являлись силой безусловно прогрессивной и могли по праву именовать себя "левыми", а своих противников (Лигачева и К°) - консерваторами, "правыми".

Здесь необходимо, очевидно, указать, что автор данной статьи является убежденным сторонником точки зрения, согласно которой в СССР социализма никогда не существовало, а под именем "реального социализма" существовал иной общественный строй, называемый суперэтатизмом: строй, основанный на государственной собственности на средства производства. Суперэтатизм не является строем, наследующим капитализму и предшествующим социализму (коммунизму), это - строй, парный капитализму в рамках единого способа производства, подобно тому, как "античный способ производства" (классическое рабовладение) и "азиатский способ производства" были парными строями в рамках единой общественно-экономической формации.

То, что существовавший в СССР строй не был социализмом, достаточно очевидно, поскольку о социализме (коммунизме) мы все-таки кое-что знаем. Известно, что социализм -

это безгосударственный, бесклассовый, бестоварный строй общественного самоуправления (прямой демократии), основанный на общественной собственности на средства производства. Очевидно, что существовавшее в СССР общество не удовлетворяло ни одному из этих параметров. В СССР мы имели: государство, подмявшее под себя общество, классы, товарно-денежные отношения, специфический "советский" вариант представительной демократии, государственную собственность на средства производства.

Строго говоря, нет пока убедительных доказательств, что ресурсы экономического и общественного развития России в рамках капиталистической общественной формации исчерпаны. Поэтому умеренно прогрессивными и даже левыми ("левоцентристскими") можно было бы называть и те силы, которые выступают за развитие России в рамках капиталистического способа производства в сторону наиболее развитых и прогрессивных образцов капиталистического государства (т.н. социальное государство вкупе с развитием новейших технологий), а также действуют в этом направлении. Парадоксально, но таких сил практически нет.

Сторонники введения классического капитализма ("демократы"), все еще в значительной степени именующие себя "левыми", являются в прямом смысле слова **реакционерами**, т.к. зовут нас (и ведут нас, как находящиеся у власти) в далекое прошлое - в начало века, когда классический капитализм в России уже существовал.

Сторонники восстановления СССР и "реального социализма",тоже именующие себя "левыми" - разнообразные наследники позорно исчезнувшей КПСС - также являются **реакционерами**, т.к. зовут нас (и поведут, если прорвутся к власти) опять-таки в прошлое - в суперэтатизм (в худшем случае - к сталинизму, в лучшем - к брежневщине).

Разница между этими силами только в том, что одни зовут нас в 1913 г., а другие - в 1953 г. Но и те и другие зовут в прошлое - и те и другие равно реакционны.

Если "демократы" уже отказываются от личины "левых" и чем дальше, тем откровеннее именуют себя правыми и консерваторами, то сталинисты и неосталинисты все еще используют социалистическую и революционную фразеологию, выдавая себя за "левых". Это, безусловно, трагедия для нашей страны, вызванная тем, что суперэтатизм собственной идеологии не выработал, а приспособил для своих нужд в качестве теоретического прикрытия одну из социалистических доктрин.

Теоретическое убожество и доктринерство В.Анпилова или Н.Андреевой очевидны, но поскольку общий уровень теоретической подготовки активистов политических движений в нашей стране чудовищно низок, то, вероятно, неосталинисты будут еще довольно долго сбивать с толку значительную часть общества и претендовать на звание "левых" и "прогрессивных" сил. Точно так же претендовали на "подлинную" левизну и прогрессивность в начале века эсеры. Г.В.Плеханов в "Заметках публициста" (Письмо четвертое, "Современная жизнь", 1907, № 1), посвященных вообще-то критике большевиков, доказал беспочвенность этих эсеровских претензий, четко определив эсеров как **"экономических реакционеров"**, поскольку те выступали против развития в России капитализма **вообще**, проповедуя переход к социализму, **минуя капитализм**, на базе феодальных и даже дофеодальных институтов (община). Так и наши неосталинисты, выступая за реанимацию суперэтатизма (с его чертами подобия феодализму - по общему диалектическому закону) могут оказаться даже реакционнее наших капиталистов: не случайно то, что в России именно сталинисты смыкаются с черносотенцами и могут в перспективе стать базой **фашизма.** Хотя, конечно, фашизм - последнее прибежище всякого сторонника капитализма, и потому тяга к тоталитаризму и авторитаризму сильна и у "демократов" - и в Эстонии, и в Грузии, например, не неосталинисты, а именно их "демократические" противники пришли к шовинизму и фашизму.

Кто же может с основанием считать себя у нас сегодня левым? Все те, кто осознал несоциалистическую природу советского строя и работает на благо **будущего** социалистического общества. К сожалению, с прискорбием приходится констатировать, что число таких людей пока очень невелико.

Польская "Солидарность" против Леха Валенсы

Одна из мощнейших забастовочных волн захлестнула Польшу на исходе 1992 года. Стихийно начавшаяся забастовка разраслась очень быстро и в конце декабря уже представляла реальную угрозу для правительства страны, которую возглавляет лидер забастовок 1980 года Лех Валенса. Несмотря на относительную близость России и Польши телефонная связь с Варшавой затруднена, так что нам приходится довольствоваться сообщениями польских газет, которые поступают в Москву с большим опозданием.

Акция горняков началась с двухчасовой предупредительной забастовки, объявленной 14 декабря Общепольской Комиссией Независимого самоуправляющегося профсоюза "Солидарность". В акции протеста, организованной 14 декабря, приняли участие две трети горняков, связанных с добычей каменного угля, - представителей различных профсоюзов, действующих в горнодобывающей отрасли. По призыву профсоюза горняков прервала работу шахта в Богданце на территории Люблинского воеводства. Провели забастовку также силезские железнодорожники.

Горняки добивались от правительства выделения денег "на спасение горнодобывающей промышленности", реконструкции шахт, остановки падения реальной заработной платы и жизненного уровня, сохранения шахтерской службы здоровья и отказа от планов подчинения угольной промышленности Министерству имущественных преобразований.

16 декабря Центральный профсоюз призвал всех горняков к генеральной забастовке в горнодобывающей промышленности. Вечером из 70 польских каменноугольных шахт остановились 47 в Катовицком, и одна в Люблинском воеводствах. Прервали работу почти 200 тысяч из 337 тысяч шахтеров.

16 декабря забастовочный комитет Тарновской фабрики электрических двигателей ввел контроль над предприятием. Как объяснил глава заводского отделения "Солидарности", работники не впускают на территорию завода членов Контрольного Совета.

Вечером того же дня руководство НСПС "Солидарность" Силезско-Домбровского региона образовало межотраслевой региональный забастовочный комитет в "целях координации забастовочной акции в Силезско-Домбровском регионе". А 17 декабря окружная секция "Солидарности" дистанционного управления железной дороги в Силезии приняла решение присоединиться к генеральной забастовке.

17 декабря в Силезии бастовали 47 шахт. Региональный горняцкий забастовочный комитет "Солидарности" обратился к премьеру Сухоцкой с требованием "принять безотлагательные меры по выведению польской горнодобывающей отрасли из кризиса", а также немедленно начать переговоры с шахтерами.

В ответном послании министр промышленности и торговли Вацлав Неверовский напомнил, что четыре месяца назад проводились переговоры с различными горняцкими профсоюзами, касающиеся структурной перестройки силезских шахт. Эту перестройку намечалось начать уже в первом квартале 1993 года. Тот факт, что профсоюзы именно в такую минуту решились на забастовку, может означать, по мнению представителя Министерства промышленности, что организаторы протеста не уверены в успехе этих переговоров.

Профсоюз работников меднорудной промышленности в Объединении "Польская медь" поддержал протест горняков, наладив снабжение бастующих предприятий флагами и плакатами. Совет отрасли бурого угля Федерации профсоюзов горняков постановил возобновить забастовочную готовность.

Наихудшей остается ситуация на коксовых заводах, которые не имеют запасов угля. На очередном заседании Координационного Совета Общепольской Комиссии горняков НСПС "Солидарность" было принято решение об отгрузке угля на коксовые заводы в таком количестве, чтобы обеспечить непрерывность технологического процесса.

К забастовке, организованной "Солидарностью", постоянно присоединялись новые шахты и профсоюзы.

В ходе 12-тичасовой дискуссии правительство предложило горнякам, занятым на добыче бурого угля, образовать два или три холдинга (товарищества компаний), выкупающих шахты и связанные с ними электростанции. Правительство заверило, что структурная перестройка не станет причиной массовых увольнений.

"Если забастовка не завершится до конца декабря, страна окажется на грани экономической катастрофы, - сказал 29 декабря в интервью "Gazete wyborczej" Витольд Рожновский, член регионального забастовочного комитета Силезии, где по-прежнему стоят многие шахты. - В понедельник, 28 декабря мы встречались с горняками. Говорили более 5 часов. Горняки были очень решительны и допускали такую возможность, что они никому не будут отпускать уголь. Тогда уже никто не сможет остановить забастовку, и она выйдет из-под контроля".

Забастовка шахтеров заставила правительство всерьез обсуждать вопрос о прекращении экспорта угля. "Если бы забастовка продлилась, мы вынуждены были бы отключить электроэнергию у населения," - сказал 28 декабря вице-премьер Генрих Горышевский. Вице-премьер полагал, что горняки приготовились к долговременной забастовке: по случаю Барбурки (традиционного праздника польских шахтеров - 4 декабря. - Прим.пер.) шахтеры получили традиционные дополнительные выплаты, следовательно, перед их семьями не стоит вопрос, на что жить во время продолжающегося протеста.

Тем временем бастующая шахта в Богданце на Люблинщине начала продавать уголь потребителям, оказавшимся в особенно трудной ситуации (больницам, школам, детским садам и домам социального обеспечения).

"В переговорах с железнодорожниками мы достигли соглашения, - сказал по окончании переговоров с правительством 30 декабря в интервью "Gazete wyborczej" генеральный директор PKP (Польских государственных железных дорог) Александр Янишевский. - Завершение приостановленной сейчас забастовки силезских железнодорожников зависит теперь от решения регионального комитета или от итога переговоров правительства с горняками и металлургами".

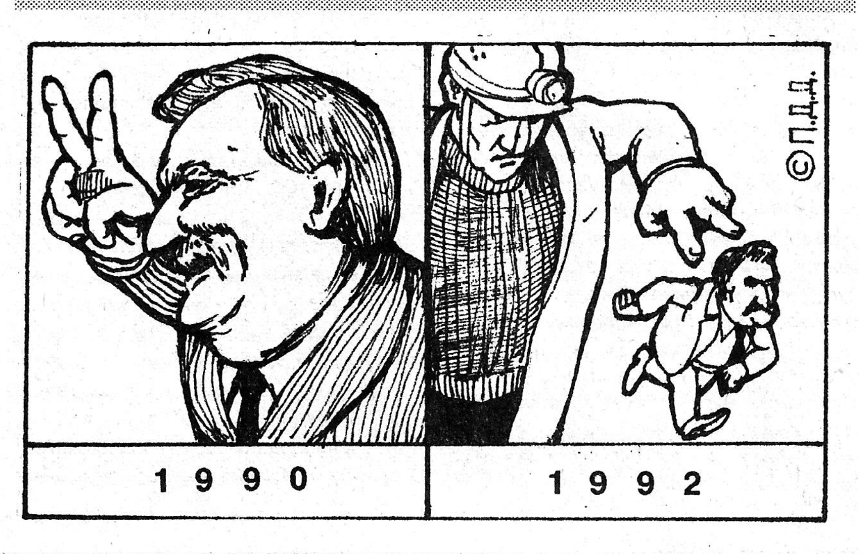
Железнодорожная "Солидарность" будет однако и далее вести переговоры с правительством, в частности - о пенсиях железнодорожников, о путевой службе здоровья и профессиональных заболеваний. 5 января Генеральная Дирекция PKP представит "Солидарности" планируемый на будущий год уровень заработной платы на предприятиях, информацию о фондах вознаграждения, а также объемах рабочих мест на железной дороге.

По материалам газет "Rzeczpospolita", "Gazeta Wyborcza" и "Zycie Warszawy" подготовила
Галина ЮРОВА (КАС-КОР)

ВАРШАВА (Петр Марчиняк). В последний день 1992 года наконец-то была достигнута договоренность бастующих шахтеров с правительством о приостановке забастовки. В ходе переговоров, в которых интересы бастующих представляет профсоюз "Солидарность", рабочие получили лишь обещания правительства представить более конкретные планы реконструкции угольной отрасли. Кроме того, частично удовлетворено требование о повышении заработной платы.

Несмотря на абстрактное заверение правительства "Солидарность" все же решила возобновить работу в шахтах и дать правительству возможность более детально рассмотреть другие требования. Такая позиция руководителей забастовки вызвала многочисленные нарекания бастующих на местах. Тем не менее, в ожидании второго раунда переговоров, шахтеры сохраняют забастовочное положение. Сроки возобновления стачки не определены.

(По материалам агентства КАС-КОР)

Колонизация Восточной Германии

Мне хотелось бы вкратце рассмотреть некоторые социальные, экономические и культурные аспекты процесса объединения Германии и, в частности, противоречия между восточногерманским и западногерманским обществами как они видятся в ходе создания единой Германии.

Дороти РОЗЕНБЕРГ

До недавнего времени западные исследования делали упор на утверждении, что никакого восточногерманского идентитета не существует и что общие культурные корни берут верх над любыми малозначимыми структурными различиями между двумя немецкими государствами. Теперь, когда политическое объединение завершено и проведены совместные выборы, жизнь в Германии не вернулась в спокойное русло. Описания процесса объединения Германии переключились с реальной действительности на усиливающееся осознание существования едва скрытого кризиса.

В недавно подгототовленном Институтом прикладных социальных исследований обзоре указывается, что 83% граждан бывшей ГДР и 57% граждан бывшей Западной Германии (ФРГ) оценивают ситуацию в пяти новых землях как "драматическую". Кроме того, 62% восточных немцев и 59% западных заявили, что они "в большой степени" или "очень" не удовлетворены развитием событий после объединения.

Западногерманское правительство, попавшееся на своем риторическом лозунге "Мы все - немцы" (не разработавшее при этом никаких последовательных планов для политического и социального перехода к единому государству), утверждает, что оно только теперь осознало глубокие противоречия в культуре и системах ценностей, возникших более чем за сорок лет между двумя Германиями, но оставшихся в значительной степени скрытыми от западных глаз. Со своей стороны, восточные немцы обнаруживают, что столь привлекательные экономическое богатство и политические свободы западногерманской системы распределяются неравномерно и с трудом им доступны.

Западные немцы, в сознании которых возник комплекс заранее составленных представлений и предрассудков в отношении жизни в бывшей ГДР, оказались под сильным воздействием пропаганды, присущей "холодной войне", и их отнюдь не беспокоили сообщения о фактическом положении дел, которые поступали от изредка посещавших ГДР западных немцев. Даже западные берлинцы лишь иногда отваживались совершить однодневную поездку в Восточный Берлин, где они могли бы воспользоваться недорогими книжными магазинами, театрами, музеями и ресторанами.

С другой стороны, восточные немцы, исполненные недоверия к своим средствам информации, с религиозным чувством смотрели западногерманское телевидение и располагали привлекательными сведениями о западногерманской жизни - или, точнее, о том, как ее изображали средства информации. Это был очень привлекательный, но не глубокий имидж.

Таким образом, обе стороны были плохо подготовлены к встрече друг с другом к тому моменту, когда была внезапно ликвидирована Берлинская стена. Вслед за эйфорией встречи быстро пришли напряженность, непонимание, конфликты, гнев и обида.

Значительная часть нашей информации о событиях минувших полутора лет поступала от западных немцев и других людей Запада, которые по большей части были не знакомы с обществом, существовавшим в ГДР. Будучи американской, которой пришлось жить и в Восточном, и в Западном Берлине, десять лет учиться в ГДР и наблюдать за развитием событий в 1989-1990 годы, в качестве ученого, находившегося по обмену в Берлине и Лейпциге, я обладала несколько иным, притом критическим, взглядом на обе Германии.

На первый взгляд Западная Германия кажется знакомой страной. Это - процветающее, современное, демократическое, капиталистически развитое западное общество, обладающее прогрессивной системой социального обеспечения. Однако при более близком знакомстве Западная Германия в культурном отношении консервативна. В ней господствует жесткая социальная и классовая иерархия. Она враждебна к пришельцам извне - порой до ксенофобии.

В Западной Германии большая, политически консервативная, прочно окопавшаяся армия государственных служащих - бюрократов, которые проникли почти во все сферы экономической и общественной жизни, включая просвещение и правоохранительные органы, и регулируют ее. Западные немцы должны регистрироваться в местных полицейских органах и иметь при себе документы, удостоверяющие личность. Пакет учебных и лицензионных прав, унаследованных от средневековой системы гильдий, сильно ограничивает трудовую подвижность. Географическая мобильность ограничена кажущимся перманентным жилищным кризисом. По сравнению с социал-демократическими странами Северной Европы западногерманская система социалистического обеспечения выглядит отсталой, хотя значительно превосходит социальное обеспечение в Соединенных Штатах.

В Западной Германии женщины составляют незначительную часть рабочей силы и им трудно овладеть профессиями. Существенную проблему создает интеграция в общество меньшинств - прежде всего иностранных рабочих, завербованных в южных странах во время экономического бума 60-х годов. Они получили вид на жительство, но не могут приобрести гражданство, а следовательно, право голосовать и быть избранными, поступить на государственную службу, иными словами - пользоваться всеми гражданскими правами. Это же относится к их детям и внукам, которые рождены и выросли в Германии на положении иностранцев.

Часть описанного выше хорошо знакома гражданам бывшей ГДР, где бюрократия была жестче, жилищный кризис острее, юридическая система создавала большие ограничения, а контакты с иностранцами были гораздо меньшими. Другие стороны жизни в ФРГ - плохая система социального страхования, отсутствие гарантированного права на труд, относительно малая занятость женщин на производстве, нехватка дневного ухода за детьми и отказ от сис-

темы коммунального жилья - все это показалось им сперва неправдоподобным, а затем испугало их.

Осень 1989 года стала для граждан ГДР коротким периодом освобождения, обретения политических прав и чувства самоуважения. "Круглый стол", в котором были представлены группы граждан и партии, управлял крупными городами и сформировал национальный Совет министров. Однако после 18 марта 1990 года граждане ГДР испытали не только разочарование в правительстве Социалистической единой партии Германии и в социалистической системе, но стали все явственнее осознавать, что их вновь лишили права контроля над политическими и экономическими процессами. Переговоры о Государственном договоре о единстве не стали поисками соглашения между равными, а превратились в условия капитуляции, продиктованные превосходящей по силе державой. Политические и экономические решения принимались и по сей день принимаются в Бонне, который по меньшей мере столь же далек от низовых организаций и отдельных лиц, что и СЕПГ.

Прибытие в Восточную Германию администраторов и чиновников с Запада, которым надлежало демонтировать старую систему и возвести новую, превратило большинство населения ГДР в бесправных, зачастую не имеющих работы, а порой занесенных в "черные списки" людей. Обменный курс восточной марки к западной, установленный на уровне 1:1, широко разрекламированный, как вызвавший неудовольствие в ФРГ акт западногерманского великодушия, оказался пропагандистским маневром.

По такому курсу можно было обменять лишь 4 тысячи марок. Все сбережения, превышающие эту сумму, а также страховые полисы обменивались по норме две восточных марки на одну западную. Установленная с 1 июля 1990 года норма обмена личных денег (1,8 восточной марки на 1 западную) мгновенно снизила наполовину размеры личных вкладов граждан ГДР в сберегательных банках. После этого исчезли надежды на возможность обзавестись малым бизнесом (за исключением в обилии возникающих лотков по продаже горячих сосисок). Во многих же случаях люди попросту не могут справиться с неожиданным и непрестанно увеличивающимся ростом цен на потребительские товары.

Малый бизнес и государственные предприятия обменивали свои ликвидные счета из расчета две восточные марки на одну западную, а их задолженность пересчитывалась по курсу 1:1. Фактически никто не смог выдержать потерю половины своего текущего капитала в условиях, когда долговые обязательства не уменьшались. Немедленно возникший в результате этого паралич восточногерманской промышленности - пусть даже сулили ей будущую "жизнеспособность" - сделал необходимым выделение западногерманским правительством ликвидных кредитов, что еще больше увеличило задолженность восточногерманских фирм.

Начиная с минувшего лета, обе Германии пришли к пониманию, что их объединение несет и выгоды, и убытки. Одним из первых результатов монетарного союза стала волна банкротств, начавшаяся после того, как западногерманские товары хлынули на восточногерманский рынок. Западногерманские поставщики зачастую требовали введения контроля над набором товаров в розничной торговле, что привело к вытеснению изделий, произведенных в ГДР, с полок супермаркетов. Их часто просто выбрасывали на свалку. А в то же время восточногерманские фермеры протестовали против аннулирования заключенных с ними контрактов и запрещения реализации их продукции.

С сентября 1989 по сентябрь 1990 года объем производства в ГДР снизился более чем вдвое. Предполагается, что к сентябрю 1991 года он упадет на две трети. В силу того что разваливающаяся экономика не в состоянии обеспечивать достаточные поступления от налогов, а боннское правительство отказалось выделить Востоку необходимые кредиты, возникла необходимость в переговорах федерального и земельных правительств.

В конечном счете кредиты были выделены. Однако их оказалось недостаточно. Около половины трудящихся, занятых в рамках финансируемых государством программ по созданию рабочих мест, лишились к этому времени работы, досрочно перешли на пенсию или живут на вспомоществование.

Как сообщалось, не известная ранее в ГДР безработица охватила в июле 1991 года на территории бывшей ГДР 1,1 миллиона человек, или 12,1 процента всей рабочей силы. В эту цифру не включены около 500 тысяч трудящихся, вынужденных досрочно перейти на пенсию, и 1,9 миллиона человек, занятых на временной работе (речь идет об "укороченной" рабочей неделе). Миллион из них работает половину рабочего времени, а многие вообще не трудятся. Контракты этой категории трудящихся продлены до 31 декабря 1991 года и оплачивались из чрезвычайного государственного фонда. 500 тысяч бывших государственных служащих включены в "списки очередников на увольнение" и предполагается, что летом и осенью они станут официально безработными. Кроме того, 2 миллиона служащих бывших государственных предприятий и предприятий, находившихся в общественной собственности, с 30 июня 1991 года лишаются гарантии от увольнения. 400 тысяч из них уже официально об этом уведомлены.

Реальная цифра безработных составляет около 2,5 миллионов человек при общей численности трудящихся на декабрь 1990 года в 8,3 миллиона. Предполагается, что к концу 1991 года без работы окажется половина трудоспособных.

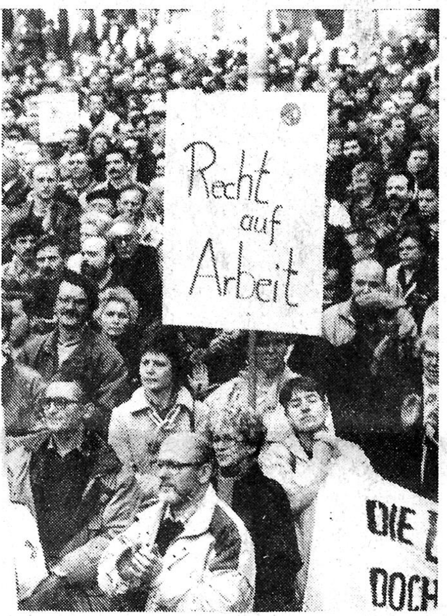
Столь страстно ожидаемый бум реконструкции экономики все еще не начался. В числе факторов, затрудняющих хаотические усилия назначенного боннским правительством Управления по опеке приватизировать 8 тысяч компаний, в прошлом принадлежавших государству, следует назвать тот факт, что более миллиона "бывших владельцев" предъявили требования о возвращении им собственности на территории ГДР. В условиях, когда чуть-чуть меньше половины всей недвижимости в ГДР оспаривается в соответствии с западногерманским законом, объявляющим аннулированным любую передачу собственности лицами, покидающими ГДР, западногерманские и иные инвесторы по вполне понятным причинам проявляют колебания, коль скоро речь идет о попытке совершить какую-либо покупку. В заявлениях о том, что некоторые бывшие владельцы собственности получат за нее возмещение, но не будут возвращены во владение ею, не указывается, из каких источников станут финансироваться такие операции. Опубликованное в середине июля заявление, что возмещение стоимости собственности будет осуществляться из расчета 103% от ее оценки в 1935 году, вызвало новую волну исков. К аналогичному результату привело и объявление об обложении всей возвращенной собственности 35-45%-ным специальным налогом.

Возникновение на Востоке культуры потребления сопровождалось установлением западногерманских цен. Оказавшись на Востоке перед лицом галопирующей безработицы и твердой или снижающейся заработной платы, ежемесячно по меньшей мере 10 тысяч человек покидают бывшую ГДР в поисках значительно более высоких заработков на Западе. К концу 1990 года ежемесячный индивидуальный валовой доход в Восточной Германии составил 1357 марок, или 37% западногерманского уровня. К

середине лета 1991 года он повысился до 40-50%[1]

Восток лишается своей молодой, квалифицированной рабочей силы. Там остаются престарелые люди, женщины с маленькими детьми и неквалифицированные рабочие. Несмотря на равные цены и повышение ренты на 400-500% (сначала это намечалось осуществить с 1 июля 1991 года, а затем было отсрочено до октября, дабы не совпасть с волной увольнений, которая ожидалась после истечения установленного периода предупреждения о них) средняя пенсия на Востоке поднялась до 50% западного уровня.

Непропорционально большую долю среди безработных занимают матери-[illegible] 50

лет и женщины с университетскими дипломами. По мере повышения стоимости содержания детей в детских садах или закрытия последних из-за отсутствия средств все большее число женщин вынуждено покинуть работу или перейти на пособия[2].

Недавно проведенный Институтом прикладных социальных исследований опрос выявил, что в пяти новых землях лишь 3% женщин считают ведение домашнего хозяйства идеальной работой, а 6,5% заявили, что "они будут работать даже в том случае, если не станут нуждаться в доходе". Но западногерманские социальные нравы и экономическая инфраструктура возвращают женщин в личную сферу жизни, хотят они того или нет.

Граждане бывшей ГДР столкнулись теперь - люди пожилые во второй раз в жизни! - с уничтожением той системы ценностей, взглядов и взаимоотношений, в которой они существовали всю жизнь. Теперь они вынуждены задумываться о возможности потери работы, сбережений, уверенности в гарантированном существовании, а порой и надежд на будущее. На Западе граждане столкнулись с тем, что стоимость единства повышается. Это обнаружилось в увеличении налогов и банковских учетных ставок, в свертывании социальных услуг и усилении конкурентной борьбы за рабочие места, число которых сокращается, да еще в стране с постоянной высокой структурной безработицей (ее уровень между 1983 и 1988 годами колебался от 8,7 до 9,1%). В период нынешнего "бума" западногерманская безработица снизилась до 7,2%, то есть до самого низкого после 1982 года уровня.

Такая ситуация порождает чувство обиды, озлобленности, нарушает социальную стабильность, подталкивает на поиски тех, на кого можно было бы возложить вину за происходящее. В обеих половинах Германии возрождение чувства национальной гордости сопровождается новой вспышкой национальной нетерпимости. Расизм и ксенофобия, уже давно поразившие население,стали пугающе очевидны после снятия цензуры и усилия ощущения экономической неопределенности.

Объединение только еще началось, а немцы - равно как и сторонние наблюдатели - обнаруживают осложнение процесса преодоления различия между двумя системами, но все еще недостаточно осознают существование остатков общего культурного наследия.

СХОДСТВО МЕЖДУ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМОМ И СЕПГ

Немецкая культура существует по меньшей мере тысячелетие. Ее носителями выступали различные племена, диалекты, города-государства и карликовые монархии, а также несколько империй. История же германского государства как некоего политически цельного образования весьма коротка и охватывает период между 1871 и 1945 годами.

Германия консолидировалась в единое государство после трех экспансионистских, агрессивных войн. В этот отрезок времени авторитарная милитаристская монархия развязала и проиграла первую мировую войну, была вынуждена отречься от власти в 1919 году. Вслед за кратковременной неудачной попыткой создания парламентской демократии, предпринятой между двумя мировыми войнами, возникло фашистское государство, которое с энтузиазмом приветствовало большинство немецких граждан.

В послевоенный период Западная Германия чаще всего определяет себя словами с приставкой "не". Она говорит о себе как о нефашистской, некоммунистической стране. Такая по сути негативная самоидентификация используется и поныне, несмотря на все попытки послевоенных историков и политиков углубить немецкую демократическую традицию, рожденную в ходе потерпевших поражение революций прошлого, и положить ее в основу системы, навязанной оккупационными державами.

Западным наблюдателям, весьма активным участникам процесса модификации немецкой истории ради приспособления ее к нуждам "холодной войны", не удалось заметить, сколь значимо для западногерманского самовосприятия утверждение концепции восточногерманской неполноценности. В недавно опубликованной в журнале "Chronicle of Higher Education" статье западногерманский историк Клаус Швабе пишет:

"Национальная история Германии рассматривается как односторонняя дорога, с неизбежностью ведущая от Бисмарка к Гитлеру. Подобный прямолинейный взгляд на историю может привести лишь к двум интерпретациям недавних событий, каждая из которых имеет свои серьезные слабости. Либо немцы должны будут считать, что новое германское государство не имеет никакого отношения к бисмарковской Германии, что, по-видимому, нереалистично, поскольку историческую традицию преодолеть невозможно, а также и потому, что нельзя попросту игнорировать целостность психологического и структурного восприятия, которое привязывает Федеральную Республику к бисмарковской Германии. Либо немцы должны будут реабилитировать всю национальную историю Германии, включая и нацистскую эру".

Профессор Швабе утверждает, что вместо этого немцам должно быть дозволено извлечь и отобрать все то, что они хотели бы взять из противоречивых тенденций, которыми отмечена их национальная история. Это отнюдь не ориги-

[1] В статье, опубликованной 24 апреля 1991 года в газете "Файнэншл Таймс" Дэвид Гудхарт пишет о том, что в июле и августе 1991 года разразился большой скандал, когда медицинские сестры стали толпами выезжать на Запад в ответ на контракт, который гарантировал им заработную плату на уровне 60% от западногерманской, но одновременно лишил их выслуги лет и установил всем им зарплату вновь поступающих на работу.

[2] В статье, опубликованной 21 апреля 1991 года в газете "Джерман трибюн", указывается, что Западная Германия не выплачивает пособия по безработице тем женщинам с детьми, которые не в силах доказать, что могут обеспечить дневную заботу о детях, поскольку такие женщины не входят в категорию лиц, способных работать.

нальная идея, однако недавние события вдохнули в нее новую жизнь.

Исчезновение восточногерманского государства, выступавшего "порочным близнецом" Федеративной Республики, вызвало, по-видимому, кризис самохарактеристики, поскольку именно тоталитарное подавление своих граждан, которое было присуще, как утверждалось, ГДР, служило подтверждением для западных немцев превосходства их политической системы, а большее богатство утверждало их в собственных достоинствах. Исчезнование еще одного германского государства и его объединение с Федеративной Республикой создало зияющую брешь в психологическом фундаменте западногерманского общества и граждан бывшего ГДР заставили заполнить ее.

Восточные немцы, считавшиеся во времена ГДР беспомощными жертвами, которых следовало жалеть и которым следовало помогать, теперь трансформировались в людей, повинных в том, что они поддерживали злонамеренную систему и извлекали из этого преимущества. Вместо того, чтобы разрешить сформулированную профессором Швабе дилемму, западные немцы провозгласили себя победителями в борьбе за идеологическое и моральное превосходство. Исходя из опыта "холодной войны", который исподволь превращал антифашизм в антикоммунизм, западные немцы предпочли выступить представителями прогрессивного западного либерализма, а восточным немцам отвести роль зараженных духом пангерманизма реакционеров и фашистов.

Краткий обзор западногерманской прессы показывает, что восточногерманское государство изображается в ней прямым отпрыском фашизма. Подобная, созданная в годы "холодной войны" модель, приравнивающая сталинизм и фашизм, была первоначально разработана в 50-е годы в Соединенных Штатах, а затем весьма охотно подхвачена западногерманским вассальным государством. Теперь ее опять вытащили на свет божий ради оправдания западногерманской колонизации бывшей ГДР.

Подобная концепция утверждает, что восточных немцев следует заставить осудить свое тоталитарное прошлое и признать вину за поддержку режима, которую они оказывали в самых разных формах, - вплоть до отказа бежать из ГДР. Недавно журнал "Шпигель" опубликовал серию статей под заголовком "Лучшая Германия". В ней приводятся беседы с пожилыми гражданами бывшей ГДР с целью доказать равную моральную ответственность как за принятие режима СЕПГ, так и за участие в операции по полному истреблению евреев[3].

К сожалению, попытки вдохнуть новую жизнь в германский фашизм или представить его чем-то обыденным отнюдь не оригинальны и не ограничиваются шпрингеровской прессой. Приравнивание сталинизма к фашизму позволяет переложить тяжкое бремя вины, которую испытывали после войны немцы, на плечи одних восточногерманских граждан. Западногерманские аналитики утверждают, что на территории ГДР с 1933 по 1989 год непрерывно развивался один и тот же исторический процесс и ставят знак равенства между фашизмом и сталинизмом.

Тот факт, что восточные немцы добились свободы собственными силами, не укладывается в рамки новой, но уже общепризнанной концепции признания идеологических деформаций, которые претерпело население Восточной Германии, его пассивности и оппортунизма. После кратковременного всплеска ликования, порожденного неожиданно возникшим, опирающимся на собственные силы демократическим движением, западногерманские политики усердно принялись за дело освобождения населения ГДР от бремени самоуправления.

Быстрота, с которой был оформлен германский политический и экономический союз, продиктована опасениями, что избранное народом социалистическое правительство могло стабилизировать ситуацию в ГДР, сделав ее независимым субъектом. Вот почему западные немцы, не теряя времени, стали доказывать, будто восточные немцы слишком неопытны в сфере демократии и неспособны поэтому сформировать ее собственными силами. В западногерманской прессе вновь замелькал имидж восточногерманской пассивности и наивности.

Для многих восточных немцев - особенно для тех из них, кто входил в оппозиционные группы, ускорившие возникновение низвергнувшего режим движения, - подобное непрошенное опекунство выглядело как неожиданное проявление действия силовых структур, которые лежат в основе буржуазно-демократической системы. Это вынудило их почти немедленно вновь перейти в оппозицию. Однако, как свидетельствуют результаты последних выборов, большинство населения охватила прежняя пассивность, и оно вновь ощутило чувство беспомощности.

Политические манипуляции во время избирательных кампаний в марте и мае 1990 года, а также переговоры об объединении сопровождались массированным наступлением на социальную, культурную, политическую, экономическую структуры восточногерманского общества. Раздающиеся в Западной Германии доказательства необходимости аннексии бывшей ГДР приняли как прагматические (прежде всего экономические), так и идеологические формы. Если говорить о последних, то краеугольным камнем западной кампании за навязывание своей идеологии стало приравнивание сталинизма к фашизму и быстрое изменение оценки позиции граждан ГДР.

Еще до достижения закрепленного законом единства начался процесс делегитимизации властных структур (администраторов, работников просвещения и других специалистов в университетской сфере, в юриспруденции и на государственной службе) и культурной деятельности (искусство, литература, народная культура). Провозгласив, что ГДР опоганена и деформирована сталинизмом, принявшим обличие фашизма, Западная Германия предъявляет претензии на право провести на территории бывшей ГДР денацификацию, к которой в самой Западной Германии никогда не приступали.

Сформированные из западных немцев "квалифицированные комиссии" проверяют всех государственных служащих ГДР, определяя, насколько они "идеологически и профессионально" подготовлены к дальнейшей деятельности на прежнем месте работы. Эти комиссии действуют прежде всего в области юриспруденции, государственной службы и просвещения, иными словами, в тех трех сферах, где, согласно немецким законам, практикуется пожизненный наем на работу.

Что касается Запада, то здесь находили прибежище нацисты, работавшие вплоть до своего выхода на пенсию в конце 60-х годов. Послевоенная политика, позволившая практически всем нацистам, не осужденным за участие в массовых убийствах, оставаться на своих постах, а тем, кто был осужден, получать пенсии, покоилась на нежелании народа признать факт широкого участия немецкого общества в фашистском варварстве. Нет никаких признаков того, что в наше время, по крайней мере, со стороны захвативших контроль западных админи-

3 Во второй статье этой серии ("Шпигель", 1991, N17) репортер журнала К.Шниббен, ссылаясь на участника антифашистского Сопротивления К.Гольдштайна, пишет: "Узник Освенцима Гольдштайн считает, что своим молчанием он сделал себя ответственным перед ГДР. Дает ли он иную оценку тем, кто своим молчанием сделал возможным создание самого Освенцима?" Тем самым исподволь внушается мысль о моральной равнозначности поголовного уничтожения евреев нацистами и режимом СЕПГ.

страторов, испытывается подобный энтузиазм: ведь речь идет о ликвидации в ГДР социализма.

Две недели спустя после первых общегерманских выборов - как раз наступило время рождественских праздников - западноберлинский Сенат объявил о ликвидации с 1 января 1991 года в Университете им. Гумбольта (ведущем учебном заведении бывшей ГДР) исторического, юридического, философского и педагогического факультетов. Все работавшие по контрактам на этих факультетах профессора и преподаватели были уволены и лишены всех прав, предоставляемых юридически оформленным на работе договорами, а также трудового стажа.

2 января 1991 года было объявлено о создании трех новых факультетов - юридических, экономических и социальных наук. Заявления о приеме на работу на эти "новые" факультеты могли подать все бывшие "политически приемлимые и достаточно квалифицированные" сотрудники. Но даже в тех случаях, когда они успешно проходили конкурс, в котором участвовали их западногерманские коллеги, их зачисляли в штат "новых" старых факультетов с испытательным сроком и без зачета трудового стажа. Однако всех бывших сотрудников факультета "марксизма-ленинизма" - даже тех, кто сумел устроиться на работу на другие факультеты, - уволили вновь.

Аналогичные меры были предприняты во всех других восточногерманских университетах. Правда, вопрос о том, на каких конкретно факультетах проводить чистку, определялся принципами, исповедуемыми правительством каждой данной новой земли. Кроме того, все профессора и преподаватели во всех университетах в ГДР были предупреждены, что на основе специальной статьи, включенной в Договор о единстве, аннулируются их закрепленные контрактами права.

Всем профессорам и преподавателям, научным, техническим и административным сотрудникам было предложено заполнить анкеты. В них помимо данных, свидетельствующих о профессиональной подготовке и квалификации, предлагалось сообщить подробные сведения о прошлой и нынешней партийной принадлежности, политических взглядах и политической активности. Хотя, согласно западногерманской Конституции, подобного рода вопросы недопустимы, сотрудников университетов предупредили, что в случае отказа предоставить такую информацию их заявления о сохранении должности рассматриваться не будут. Утаивание же или неполная информация являются основанием для немедленного увольнения. Гарантии сохранения полученных сведений в тайне не предоставлялось.

Подвергались аналогичной "проверке" и преподаватели государственной школьной системы. Увольнение преподавателей отвечало экономическим интересам Западной Германии: в ней создалось массовое перепроизводство квалифицированных учителей. В сфере просвещения долговременная структурная безработица даже выше, чем у других групп западногерманских трудящихся. Объявление же учителей из ГДР неподходящими для работы с учениками создало бы много рабочих мест для безработных западных немцев.

В западногерманские административные суды, определяющие законность иных и новых подобных мер, нарушающих принципы университетского самоуправления, были направлены иски. В Берлине административный суд признал закрытие факультета марксизма-ленинизма и увольнение его сотрудников законными. Однако он дал указание оплатить вынужденные прогулы профессорско-преподавательскому составу пяти других факультетов, которые фактически существуют, хотя и под новыми названиями. Их профессора и преподаватели должны были быть восстановлены на работе. Один из членов берлинского Сената заявил, однако, что он опротестует такое решение, а тем временем продолжит реорганизацию университета.

Списки кандидатов для зачисления на пять факультетов были представлены на утверждение. В них не значился ни один профессор, в прошлом работавший в ГДР. Содрудник берлинского органа, призванного обеспечивать равенство при найме на работу, заявил протест. Он указал, что при отборе кандидатов была нарушена предусмотренная процедура, а кандидатуры женщин вообще не рассматривались.

Тем временем одних людей увольняли, другим вручали уведомления о разрыве контрактов или информировали об установлении для них неопределенно длительного испытательного срока. Студенты университетов в Берлине и Лейпциге выступили с протестами против таких мер. Но их действия объяснялись не желанием отстоять право на коммунистическую идеологию. Дело в том, что в ходе политического наступления на самоуправление студенты были лишены с трудом завоеванного представительства во всех университетских органах.

К моменту написания этих строк в Берлине вступил в силу "дополнительный закон" к Договору об объединении, в соответствии с которым профессорами будут считаться только те лица, которые назначены согласно законам ФРГ. К 30 сентября 1991 года все профессора в бывшей ГДР, назначенные на свои посты до 3 октября 1990 года, теряют право на выслугу лет, не смогут работать заведующими кафедрами и деканами, занимать должности, замещаемые как по выборам, так и по приказам, участвовать в решении кадровых вопросов, наблюдать за защитой дессертаций, предлагать научные темы или руководить работой по ним. Их будут именовать "профессорами по названию".

1 января 1991 года были уволены все сотрудники берлинских юридических служб. Их объявили непригодными для обеспечения свободного, демократического порядка. Всего в списки "ожидающих увольнения" включено 500-600 тысяч государственных служащих[4]. До конца октября они будут получать 70% своих прежних окладов, а затем их признают официально безработными. Посчитав эту процедуру законной, судьи Конституционного суда дали заключение, что она "необходима в интересах быстрого создания современной, эффективной администрации, отвечающей требованиям закона". Вместе с тем судьи посчитали антиконституционным включать в списки ожидающих увольнения женщин, находящихся в отпусках по беременности и родам, и установили, что матери-одиночки и инвалиды могут быть уволены только после подыскания им другого места работы.

Стало ясно, что государственная администрация не предпринимает никаких усилий для сохранения или перестройки существующих кадров. Западногерманские администраторы заменяют восточногерманских на всех ответственных и влиятельных постах, порой приезжая с Запада для выполнения своих обязанностей на день или неделю. Только из одной земли Северный Рейн-Вестфалия было переведено на работу в новую землю Мекленбург 1500 государственных бюрократов.

В феврале вспыхнула дискуссия, следует ли направлять государственных служащих на Восток в приказном порядке или же надо создать выгодные условия, побуждающие их к переезду[5]. Хотя этому и придается видимость великодушной передачи опыта, в котором, дескать, отчаянно нуждаются в новых землях, фактически же смысл такой опера-

[4] Была предпринята попытка называть государственных служащих "работниками по контрактам". Тем самым подчеркивалось различие в правах между ними и западногерманскими служащими, пользовавшимися правом пожизненного назначения на должность. Однако, независимо от того, как их называли, пожизненные назначения восточногерманских профессоров были аннулированы.

[5] 27 февраля 1991 года германское федеральное правительство согласилось выделить 120 миллионов марок для финансирования найма на работу еще 1000 судей и прокуроров, а также 500 работников юридической службы. Они должны были быть направлены на Восток. Кроме того, дополнительные средства были призваны создать побудительные мотивы для работы в бывшей ГДР ушедших на пенсию западногерманских юристов.

ции в том, чтобы отобрать контроль у местных жителей и передать его в руки колониальной администрации.

КОЛОНИЗАЦИЯ И ОБЩЕСТВО ДВОЙНЫХ СТАНДАРТОВ

Беспомощность правительства СЕПГ выявилась в его неспособности предотвратить массовую эмиграцию своих граждан после открытия летом 1989 года венгерской границы. Запоздалые революционеры осени 1989 года попытались воспользоваться слабостью СЕПГ и вознамерились осуществить демократизацию и социалистические реформы. Однако они недолго удержались в седле. Вскоре западногерманские партии лишили их кратковременной победы и поспешно заполнили вокникший вакуум силы.

Подобная ситуация создала реальную причину, заставившую западногерманских политиков добиваться объединения Германии. Ими двигал не страх перед вмешательством Советского Союза, а опасения, что новая, пользующаяся популярностью восточногерманская администрация закрепится в стране с тем, чтобы на переговорах о будущей германской федерации, создаваемой на основе Конституции, выступить равным партнером Запада.

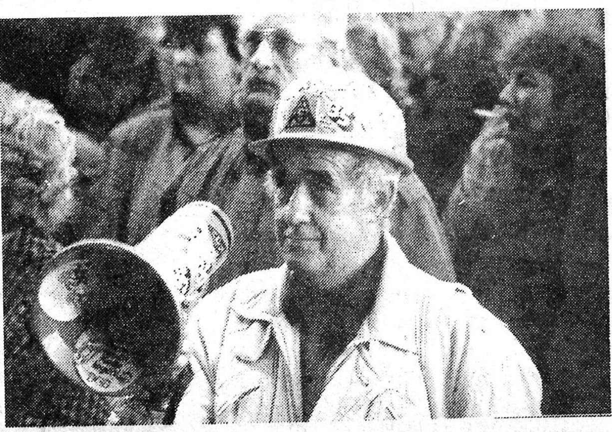
Ныне граждане бывшей ГДР проходят сквозь процесс перехода от несвободного государства не к демократическому государству, а в общество урезанных прав. Восточные немцы не ощущают себя равноправными гражданами Федеративной Республики. Они испытывают все особенности колонизации, когда туземец обладает гораздо меньшими правами, чем колонизатор.

Массовое увольнение университетских профессоров и преподавателей, а также государственных служащих, обвиненных в "предполагаемых" политических взглядах или в членстве в легально существовавших партиях - к тому же без индивидуальной проверки, без предъявления доказательств и без права на защиту! - лишили восточных немцев свободы слова и мнений, а также презумпции невиновности. Увольняются даже воспитатели детских садов и других учреждений дневного ухода за детьми, если только их считают неподготовленными для работы с малышами.

Было приостановлено право восточных немцев на сохранение личной тайны и защиту от самообвинения. Указанные принципы нарушаются угрозой отказа восстановить на работе любого учителя, который уклонится от заполнения анкеты, содержащей вопросы о его прошлых политических связях и деятельности. И это сопровождается требованием отвечать на такие вопросы под присягой.

Поставлено под сомнение право восточных немцев на частную собственность. Ведь более миллиона западных немцев притязают на восстановление их во владении как коммерческими, так и жилыми земельными участками согласно западногерманским законам, предусматривающим наличие судебных решений об отчуждении их нынешним собственникам из ГДР.

Массовые увольнения в бывшей ГДР государственных служащих и их замена западногерманскими гражданами, а также отмена выслуги лет нарушают права восточных немцев, охраняемые трудовыми соглашениями. Врачи увольняются за прошлую политическую деятельность без предварительного уведомления. Еще один пример. Были повышены фиксированные учетные ставки по закладным с оговоренного контрактом 1% до 9%. И сделано это было без предварительного уведомления или оказания материальной помощи сразу же после того, как Государственный банк ГДР перешел под контроль двух западногерманских банков - Немецкого и Дрезденского.

В сфере пенсионного права восточногерманские представители свободных профессий, врачи, университетские профессора, художники и научные работники были лишены права на пенсию на том лишь основании, что, поскольку в ГДР государственную пенсию получали сотрудники тайной полиции и пограничники, то их, дескать, надо отменить вообще. Это означает, что люди названных профессий в бывшей ГДР, заработок которых составлял лишь 20-25% заработка их коллег на Западе, теперь наказывались дополнительно еще и за то, что своевременно не эмигрировали в ФРГ. Такое решение было принято в апреле 1991 года, и оно затронуло 280 тысяч пенсионеров.

Все, о чем рассказано выше, не имеет ни прецедента в западногерманской практике, ни юридической основы, закрепленной в западногерманских законах.

Приравнивание нацизма к сталинизму, а также широко распространенная презумпция виновности в соучастии, наказание на основе этого чиновников государственной службы, проведение в ней чистки - особенно среди преподавателей и юристов - установленный факт. Он еще более очевиден при сравнении нынешней кампании с отношением к бывшим членам и активистам нацистской партии в Западной Германии. Так, в книге Инго Мюллер, последнем исследовании послевоенной карьеры нацистских судей утверждается, что фактически все нацистские государственные служащие оставались на своих постах и сохраняли влияние на просвещение и гражданскую службу вплоть до своей естественной отставки по возрасту. На смену им пришли их студенты и помощники.

Населению бывшей ГДР столь великодушное отношение не знакомо. Идеологию, под гнетом которой они прожили сорок лет, в ФРГ считают чем-то иностранным, хотя ее немецкие корни совершенно очевидны. Ее рассматривают феноменом, угрожающим сложившемуся западногерманскому экономическому порядку, в отличие от фашизма, который скорее поддерживал капиталистический экономический строй, нежели угрожал ему. На смену идеологии социальной предначертанности в бывшую ГДР должна прийти идеология индивидуализма.

В ГДР права на жилище, работу, образование, на заботу о детях в дневное время и всеобщее здравоохранение следует урезать до такой степени, чтобы они соответствовали бы западногерманской модели, в основу которой положены классовые различия и принадлежность к тому или иному полу. Вот почему восточногерманских трудящихся надо дисциплинировать, используя для этого массовую безработицу и повальное вытеснение женщин из трудового процесса. Последнего добиваются весьма просто: женщин лишают возможности воспользоваться детскими учреждениями, объявляют недействительными их дипломы и отказываются признавать приобретенный опыт.

Пока восточногерманское общество поучают в отношении ценностей инди-

видуальной инициативы и побудительном импульсе, заключенном в частной собственности, назначенное боннским правительством Управление по опеке попросту экспроприирует в ГДР большую часть физического капитала, продает 90% его западногерманским инвесторам. До сих пор всего лишь 5% перешло в руки бывших предпринимателей из ГДР и 5% приобретено иностранными инвесторами. Такая массированная передача восточногерманской недвижимости и физического капитала в западногерманское владение осуществилась без согласия населения Восточной Германии, но зато в полном соответствии с колониальной моделью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Травма, причиненная германским прошлым, уже давно превратилась в травму памяти о нем. С момента своего основания оба немецких государства много выстрадали от противоположных, но в равной степени искаженных мифов о своем возникновении, перекладывая друг на друга бремя исторической вины и современных бедствий. Жизненно важное значение для обеспечения стабильности нового, объединенного государства и для определения направления его развития имеет борьба за право исключительного контроля над установлением тех исторических рамок, в пределах которых следует рассматривать послевоенную Германию, а также над культурным наследием, порожденным идеологической гегемонией.

Западная Германия попросту не может, да и не хочет согласиться с тем, чтобы была поставлена под сомнение сложившаяся здесь политическая и экономическая система. Именно западное общество демонстрирует свое нежелание допустить инакомыслие. Здесь все еще действует созданная вслед за студенческими волнениями 1968 года система "черных списков". В силе остается и комплекс других юридических методов, ограничивающих инакомыслие. Ныне эта система оказалась перед проблемой ассиметрии не только территории, но и населения бывшей ГДР, которое вполне вероятно усвоило некоторые социальные концепции, хотя и сопротивлялось чуждой пропаганде.

Консервативный немецкий интеллектуальный и политический истеблишмент осознает эту опасность. И Восток, и Запад захлестнули разговоры о коррупции, злоупотреблениях властью, о причиненном ущербе и разрушенной окружающей среде. И все это изображается в таком свете, чтобы создать впечатление, будто бы подобные явления присущи исключительно социализму. Восточногерманскую систему представляют не только несостоятельной, но и во всех отношениях порочной. Социализм провозглашается мертвым и как идеал, и как система. Его же неперестроившихся сторонников в сфере культуры, подобных Кристе Вольф, осуждают не только как утопистов, но и как сознательных или несознательных сторонников тоталитаризма. Настало время, считают в Западной Германии, чтобы отвергнуть возможность альтернативы бисмарковскому капитализму.

Однако объединение Германии таит в себе не только опасности. Оно создает широкие возможности для делегитимизации западногерманских левых. Воссоединение Германии позволяет считать погашенными и военные долги, закрыть главу фашистских преступлений, которые привели к разделу Германии, покончить с борьбой противостоящих друг другу идеологий.

В 80-е годы немецкие историки пытались представить германский фашизм неким малозначимым феноменом. В 90е годы развернулась кампания против социально-критической литературы, получил хождение аргумент в пользу формирования "здорового чувства немецкого национализма". Объединенная Германия, похоронив свое прошлое, лишив идентитета пятую часть своего населения, заставив умолкнуть критиков слева, способна, конечно, удовлетворить требования общеевропейского дома. Но надолго ли?

("Альтернативы", выпуск 2, 1992)

Дороти Дж. РОЗЕНБЕРГ - сотрудница "Файв Колледж" и ассистент профессора по проблемам Германии. В настоящее время работает в колледже "Маунт Холлиок" и в Массачусетском университете (Амхерст). Она провела несколько лет в ГДР по программе обмена учеными. В первоначальном варианте настоящая статья была лекцией, прочитанной в феврале 1991 года в университете имени Дж. Мэдисона и 4 мая 1991 года - на симпозиуме по сравнительной литературе в Нью-Йоркском университете.

Я пришёл дать вам волю...

До недавнего времени сторонники марксистских версий отечественной истории любили приводить НЭП в качестве примера мудрости и гуманности большевиков, якобы добровольно отказавшихся от своих "военно-коммунистических" взглядов на X партсъезде. При этом старательно "не замечался" тот факт, что на Тамбовщине Ленину пришлось заменить продразверстку продналогом еще в феврале 1921 г., то есть до Кронштадтского восстания и самого съезда.

Сергей ИЛЬИН

Сегодня, говоря о событиях семидесятилетней давности, стоит вспомнить о человеке, сыгравшем в них далеко не последнюю роль. Однако начать эту историю следовало бы, обратившись к последним дням его короткой жизни.

Шел четвертый месяц безуспешных поисков. Весной 1922 г. Тамбовский Губотдел ГПУ сбился с ног, пытаясь ответить на единственный вопрос, где сейчас находится Александр Антонов? С тех пор как осенью 1921 г. командиру разбитой Партизанской Армии Тамбовского Края удалось вырваться из очередной "последней и окончательной" облавы, след его был потерян. Здесь оказалось бессильным даже детище Тухачевского, многочисленные охотничьи спецкоманды, тщательно прочесывавшие тамбовские леса в поисках несдавшихся повстанцев. Не давала пока результатов и густая агентурная сеть.

Появились скептики - ведь ушел же, к примеру, за Днестр, почувствовав, что крестьяне устали и не желают больше воевать, сам Нестор Махно. Однако тамбовские чекисты продолжали настаивать - не такой человек Антонов, чтобы бежать за границу. То есть чисто технически это не составило бы для него труда. Опыт все-таки накоплен колоссальный. "Специализироваться" на уходах от погонь и прорывах из всевозможных окружений этот человек начал еще с 1907 г. Все дело в неискоренимом духе романтизма, присущем Антонову еще с дореволюционных времен...

В документах Департамента полиции девятнадцатилетний Александр фигурировал как "грабитель". Однако из архивных же материалов видно, что нападал он на таких, как ростовщик Василий Шуванов. У последнего, в частности, Антонов отобрал крестьянские долговые обязательства, всего на сумму 80 тысяч рублей. Эти документы он частью сжег, частью раздал должникам. Сжечь все прямо на месте ему не удалось: служащий Шуванова сказал Александру, что в доме умирает больная жена хозяина, Шуванов бросил ее и спрятался где-то во дворе, дым причиняет страдания умирающей. "Грабители" немедленно затушили бумаги и, спрятав их в мешок, исчезли.

Характерно, что несмотря на солидное количество "бесшабашнейших и рискованнейших по обстановке экспроприаций", которые числились за Антоновым к моменту его ареста, убийцей он не был - иначе столыпинский вариант "особого совещания", Временный Тамбовский Военно-Окружной суд под председательством генерал-майора Дубля не сохранил бы Александру жизнь, осудив его 15 марта 1910 г. на бессрочную каторгу. Ведь Махно, к примеру, такая вот "тройка" вынесла смертный приговор, и спасло Нестора только прошение отца, да несовершеннолетие самого смертника.

Интересно отметить, что ни "общение" с жандармами в ходе длившихся около года допросов, ни семь лет заключения не убавили романтических настроений в Антонове. Уже осенью 1917 г., будучи начальником милиции в своем родном Кирсановском уезде, бывший каторжанин узнал о том, что мужики села Нижние Пески выгнали помещицу М.И.Олив из собственного имения, не оставив ей при этом ничего. Реакция "грабителя" не отвечала духу времени - он заставил крестьян на собственных лошадях отвезти в Кирсанов перебравшейся туда "представительнице эксплуататорских классов" нужную ей обстановку. Судя по всему, в Олив он видел просто обиженную и слабую женщину, которую следовало защитить.

При этом нельзя забывать, что лейтмотивом дореволюционной борьбы Антонова было стремление помочь местным крестьянам, защитить их от произвола власти или деятелей типа Шуванова. Деньги и оружие собирались им для подготовки крестьянского восстания. Недаром любимыми героями Александра были Тарас Бульба и Емельян Пугачев. Более того, ряд эпизодов из жизни тамбовского Робин Гуда поразительно совпадает с некоторыми фактами биографии вождя крупнейшей крестьянской войны в России.

Наконец предположения опытных чекистов, неплохо изучивших характер своего противника, подтвердились. К апрелю 1922 г. агентура ГПУ окончательно установила - Антонов находится в губернии, более того, он не собирается никуда уходить, а ожидает попутного ветра, по его словам - "ветра, достаточного для того, чтобы поднести мне спичку и кругом опять все загорелось". Сейчас нам известно - до начала коллективизации оставалось каких-то семь лет. Антонову, разобравшемуся в сути нового режима, нетрудно было догадаться, что любое временное отступление, каким открыто называли большевики свою новую экономическую политику, неизменно предполагает переход в контратаку. Сроки здесь не имели принципиального значения. Тамбовский поклонник Пугачева, любивший, по словам очевидцев, напевать "Трансваль, Трансваль, страна моя, ты вся горишь в огне...", был готов ждать. Однако и в ГПУ прекрасно понимали, насколько опасно оставлять в стране с преобладанием "мелкобуржуазной стихии" таких людей, как Александр Антонов. Поэтому Губотдел немедленно приступил к разработке плана операции. В то время беглому вожаку повстанцев, участнику первой русской революции, было всего тридцать три. Столько же исполнилось Пугачеву, когда плененного атамана везли в клетке в Москву...

Накануне восстания Антонов, как и Пугачев, был вне закона. Он ушел в лес весной 1918 г. Казалось, человеку с его революционным прошлым и происхождением (сын слесаря-кустаря) нетрудно было бы сделать самую головокружительную карьеру при новой власти. Позднее даже непримиримые противники Антонова отдавали должное его личному мужеству, огромной воле, блестящим организаторским способностям. Новый политический режим охотно предоставлял широчайшие возможности для реализации всех этих качеств их обладателям. Здесь находилось дело не только потомственному дворянину, офицеру гвардейского Семеновского полка Тухачевскому или "бессарабскому Антонову" - Григорию Котовскому, но и бывшим офицерам конвойной стражи, благополучно продолжившими свою трудную службу начальниками конвойных команд Республики Советов (из 19 начальников - 11 верой и правдой служили Царю-батюшке кто с 1912, кто с 1905, а один, экс-полковник Г.Ф.Мозговой, даже с 1897 года).

Реальной причиной решения Тамбовской Губчека об аресте начальника кирсановской уездной милиции весной 1918 г. стало его участие в подготовке крестьянского восстания. Впрочем эта "контрреволюционная" деятельность Антонова сама по себе была лишь следствием - следствием политики Советской власти в деревне.

В ту пору новый политический режим пытался вывести страну из продовольственного кризиса. Однако меры, предложенные его лидерами, не содержали чего-либо принципиально нового. Государственная монополия хлебной торговли и продразверстка не являлись изобретением Совнаркома - они действовали в России и до октября 1917 г. Пытаясь выполнить с их помощью задачу, не решенную царизмом и Временным правительством, коммунисты добавили к этим мерам тактику "крестового похода в деревню за хлебом" и принципы "классового подхода" в распределении продовольствия. Крестьян обязали "продавать" государству хлеб по твердым ценам, не отражавшим бурных инфляционных процессов и уже весной 1918 г. бывшим в десятки раз ниже реальных, рыночных цен. Не желая отдавать добытое тяжким трудом зерно, крестьяне отказывались продавать его за бесценок и укрывали от закупочных организаций. Продотряды, реализуя планы "крестового похода", реквизировали этот припрятанный хлеб, а за малейшие попытки сопротивления, укрытия или порчи хлеба расстреливали крестьян на месте. Причем если в 1918 г. Наркомпрод допускал, что определенную часть хлеба следует оставлять крестьянам для питания, то с 1919 г. при реквизиции хлеба продотряды стали исходить из заранее установленного количества хлеба, которое следовало добыть во чтобы то ни стало, невзирая на потребности крестьян.

Повинности, наложенные Советской властью на крестьянство, этим не исчерпывались. Крестьяне были обязаны отбывать воинскую повинность,

фактически бесплатно возить многочисленных чиновников и различные грузы на своих лошадях и подводах, "в случае необходимости" выполнять строительные и прочие виды работ, сдавать государству лошадей, крупный рогатый скот, продовольствие, одежду, обувь. Количество центральных и местных постоянных и чрезвычайных денежных налогов и контрибуций так же с трудом поддается учету. Позднее, в 1921 г., Ленин признавал: "Мы сделали ту ошибку, что решили произвести непосредственный переход к коммунистическому производству и распределению", но в восемнадцатом "самый интеллектуальный кабинет Европы" был полон сил и энтузиазма.

На практике упор на насилие и предоставление чрезвычайных полномочий вел к злоупотреблениям. Первые продотряды, появившиеся в Тамбовской губернии в ноябре 1917 г., уже в начале апреля 1918 г. были распущены с формулировкой "ввиду их развращенности". На Тамбовщину были направлены новые, однако в июне же 18-го чиновник Наркомпрода Бондарев был вынужден телеграфировать из губернии своему наркому: "...вывозят хлеб без учета, бесчинствуют как завоеватели..." Тогда же Губотдел НКВД сообщал в Москву о ходе мобилизации лошадей" в Борисоглебском уезде: "Мобилизующие расправляются с гражданами волостей орудийной и пулеметной стрельбой по селу".

Новый аппарат власти начал разлагаться, не успев еще толком сложиться. Документы Тамбовского Губотдела НКВД заполнены сообщениями типа: "Ряд членов Токаревского Совета и местной чеки занимаются пьянством, вымогательством, производя ночные налеты в квартиры местных обывателей". Уже тогда существовала проблема беззаконий в органах госбезопасности - в конце сентября 1918 г. на Кирсановском Уездном сьезде председателей Волсоветов говорилось: "Некоторые же лица, стоящие во главе Ч.К., забывая свой высокий пост, творили беззаконные действия, были слишком вспыльчивы, расправлялись со всеми, попавшими на пути, не разбираясь виновностью и невиновностью".

В этих условиях крестьянам было в сущности безразлично, стали они жертвой беззакония или столкнулись с карательным аппаратом государства, открыто провозгласившего, что проводит политику "беспощадного и массового красного террора". Они просто защищались как могли. Уже в восемнадцатом на Тамбовщине постоянно вспыхивали восстания крестьян и мобилизованных, а в сентябре они охватили разом 7 уездов из 12, входящих в состав губернии. При подавлении этих восстаний всего за двадцать дней деятельности карателей в одном только Моршанском уезде, лишь по официальным данным НКВД, было расстреляно 316 человек. Это уже после окончания "военных действий".

Стоит ли удивляться тому, что именно тогда Антонов, заочно приговоренный к смерти, организовал "боевую дружину" и начал партизанскую войну с "рабоче-крестьянским государством".

Опираясь на поддержку крестьян, которые, по словам уполномоченного ЦК партии эсеров на Тамбовщине Ю.Подбельского, считали Александра "неуловимым мстителем за их поруганные интересы", он продержался в губернии до лета 1920 г. К этому времени положение там не улучшилось. Вот что писал об этом "кремлевский курсант" Степан Аксенов своему вождю и почетному сокурснику Владимиру Ленину: "У нас в Елатомском уезде Тамбовской губернии, у бедного крестьянина отбирают последнюю корову, последний пуд муки (...) мы бороца не в силах красноармейцы насильствуют барышнех (...) красноармейцы что хотят то и делают, я сказал, что мы на фронте этого не делали (...) по инициативе начальника отряда, ищут муку, лезут в сундуки, забирают белье, деньги.

Настроение крестьян ниже всякой критеки. Ожидаица восстание жизнь очень плоха т. Ленин прашу обратить на ето внимание Красный командир Кремлевских Курсих Степан Аксенов нахожуся в отпуску. Когда приеду в Москву скажу лично".

Сегодня уже трудно установить, удалось ли Степану сказать что-либо лично Владимиру, но вот то, что в августе 1920 г. крестьянское восстание вспыхнуло в Тамбовской губернии с новой силой - это исторический факт...

24-го июня 1922 г. чекисты выяснили: Антонов, которого одолевают приступы малярии, остался на день в селе Нижний Шибряй в доме Натальи Касатоновой. За больным братом присматривает Дмитрий Антонов, по словам одного из современников, "влюбленный" в Александра, "преданный ему как собака". В тот же день группа захвата, замаскировавшись под сезонных рабочих, приступила к реализации разработанного плана. Добрую половину группы составили бывшие повстанцы, добровольно сложившие оружие и теперь "замаливающие грехи". К вечеру добрались до села, незаметно окружили дом Касатоновых...

...Когда в сентябре 1920 г. Антонов со своей "боевой дружиной" прорвался в район восстания, слабо вооруженные отряды крестьян, как обычно, были уже разбиты правительственными войсками. Казалось, все кончено. Карательные отряды готовились к утомительным экспедициям в мятежные села. Однако Антонов круто изменил ситуацию. Он оставил только тех повстанцев, у кого были винтовки, распустил безоружных крестьян по домам и начал активные партизанские действия. Очень скоро появление Александра оказалось замечено. Уже 28-го сентября командующий Войсками Внутренней Службы Республики (прототип современных Внутренних Войск) Корнев доносил Дзержинскому: "В лице Антонова мы имеем дерзкого, организованного, связанного с населением и великолепно знающего местность противника". К ноябрю повстанцы добились значительных успехов. Позднее Тухачевский писал об этом времени: "Антонов нападал на расположения красных войск, стремясь нанести им поражение, захватить оружие и огнеприпасы. Надо сказать, ему это удавалось блестяще".

Этот успех объяснялся настроениями крестьян, доведенных политикой "военного коммунизма" до состояния, когда ненависть к угнетателю пересиливает страх. Выступая в деревнях Антонов обещал мужикам "землю и волю". Была у повстанцев и своя программа, типичная для крестьянских движений 1920-1921 гг. В экономической части "мятежники" требовали отмены продразверстки, введения свободы торговли, при регулировании цен на продукты, передачу продовольственного дела в ведение кооперативов, частичной денационализации фабрик и заводов при сохранении рабочего и государственного контроля за производством, допущения русского и иностранного капитала для восстановления хозяйственной жизни страны. В политической части - свободу слова, союзов, собраний; политическое равенство всех граждан за исключением дома Романовых; введение свободного преподавания и всеобщего обучения; созыв Учредительного Собрания, а до начала его работы - передачу власти выборным органам, сформированным партиями, боровшимися с большевиками.

Зимой 1920-1921 гг. повстанцы продолжали успешные боевые действия. Отряды были реорганизованы в Партизанскую Армию Тамбовского Края, копирующую структуру Красной Армии. Однако не стоит преувеличивать силу крестьянского войска. У повстанцев не было артиллерии, не хватало пулеметов, винтовок, патронов. У большинства "конников" вместо седел были обычные подушки. Немало повстанцев, как и во времена Пугачева, имели только вилы, топоры да косы.

Но все это не помешало восставшим к апрелю 1921 г. практически полностью установить свою власть в пяти уездах Тамбовской губернии. Даже выполнение главного экономического требования повстанцев - отмена продразверстки, проведенная на Тамбовщине в феврале 1921 г. спецпостановлением Наркомпрода по личному приказу Ленина, не изменила поначалу настроения крестьян.

Однако когда к отмене продразверстки добавилась "оккупация и советизация" мятежных районов, когда началось применение правила круговой поруки с расстрелом мужского населения и сожжением села, когда всех родственников несдающихся повстанцев стали отправлять в концлагеря - крестьянин оказался перед сложным выбором. Стоит ли продолжать тяжелейшую борьбу, рискуя поставить под удар домашних, включая детей, и односельчан, если заветная мечта, воплощенная в лозунге "Долой продразверстку!", стала реальностью.

Тем не менее, немалая часть повстанцев была готова идти до конца. Для их уничтожения в губернию были стянуты бронепоезда, бронеавтомобили, военная авиация, артиллерия, отборные боевые части и курсанты. Чести командовать операцией удостоился Тухачевский, только что успешно подавивший восстание кронштадтских моряков. Ему помогали Антонов-Овсеенко, Уборевич, Котовский и другие опытные командиры. Используя подавляющее превосходство в силах, Красная Армия начала наступление на повстанческие полки. Тем временем ВЧК с помощью провокатора Муравьева, заброшенного к восставшим, удалось заманить в Москву на "Съезд повстанческих сил" почти все руководство восстания, где после подробного отчета "Центральному повстанческому штабу" (состоявшему из чекистов) их отправили в следственную тюрьму. Подобная тактика применялась и далее - с отрядом Матюхина Котовский расправился по методу правителя Древней Мидии Киаксара, о котором писал в своей "Истории" Геродот. Матюхин и его штаб были внезапно перебиты во время пира, устроенного котовцами, выдававшими себя за повстанцев, которые пробились на Тамбовщину с Дона.

Более двух месяцев потребовалось отборным частям Красной Армии для того, чтобы разбить крестьянские отряды. Постоянно преследуемые регулярной кавалерией, бронеавтомобилями, бронепоездами и авиацией, повстанцы дрались отчаянно. Самоотверженность антоновцев отмечалась даже их противниками. В июле 1921 г. политотдел армии по борьбе с бандитизмом отмечал в одной из сводок: "В бою 1 июля уничтожена банда числом 130 человек, состоявшая из бандитского комсостава, эсеровских политработников и матросов. Сражались с поразительной стойкостью. Оставшиеся в живых бандиты, не желая сдаваться, стреляли лошадей и кончали самоубийством." Тогда же журнал "Красная Армия" писал о том, как один из повстанческих отрядов, прижатый бронеавтомобилями к реке, в ответ на предложение сложить оружие с криками "Ура!" бросился на броневики в конном строю и полностью полег под пулеметным огнем в этой безнадежной атаке.

И все же силы были слишком неравны. К началу августа Партизанская Армия Тамбовского Края прекратила свое существование. Однако тогда раненному в одном из боев Антонову удалось уйти от погони. И вот теперь, июньским вечером двадцать второго, чекисты надеялись поставить точку в этой истории.

...501г. Александръ Сте...
АНТОНОВЪ.

Молодой Александр АНТОНОВ. Фото из полицейского дела.

...Несмотря на все старания тщательно разработанный план операции рухнул в самом начале. Антонова не удалось захватить врасплох. Завязалась перестрелка. Узнав в нападавших своих прежних соратников, Александр кричал им, отстреливаясь: "Яшка, Васька, что вы делаете! Кого вы бьете!"

Через час чекисты решили "выкурить" отчаянно сопротивлявшихся братьев и подожгли избу. Выскочив из полыхающего дома, Александр и Дмитрий, подбадривая друг друга криками и стреляя с обеих рук, стали прорываться к лесу. Один из братьев был уже ранен. Двое чекистов признавали позднее, что в тот момент вынуждены были "отойти", уступая дорогу Антоновым, остальные усилили огонь. Внезапно братья упали, как будто условившись.

Когда чекисты решились подойти к ним, оба уже не дышали. Их уложили выстрелы Ярцева - бывшего повстанца из отряда Матюхина. Обыскав убитых, победители не нашли при них каких-либо ценностей, только нерасстрелянные патроны. У Дмитрия - начатые на обложке "Полного собрания сочинений Д.Л.Мордовцева" воспоминания с посвящением Александру: "Тебе на память я пишу, что было много пережито..." Так было установлено авторство стихотворных прокламаций времен восстания, которые Дмитрий подписывал "Молодой Лев".

Позднее появилась легенда о том, что знаменитые слова Пугачева в сцене его ареста: "Дорогие мои... Хор-рошие...", обращенные к бывшим соратникам, спасающим свою жизнь ценой предательства, Есенин вставил в текст пьесы, узнав о последних минутах Александра Антонова.

Имя народного заступника, сражавшегося за "землю и волю", не забыто, несмотря на все старания его врагов и ложь придворных летописцев. Спросите на Тамбовщине любого: "Кто такой Антонов?" - Вы легко убедитесь сами. Народ не забывает никого, ни своих палачей, ни своих героев.

Ретроаналогии

(цитаты без комментариев)

Довольно банальное сравнение жизни с театром поневоле напрашивается в наше безумное и непредсказуемое время: спектакль затянулся, ружье стреляет в каждом акте, зритель устал, а конца не видно. Приятно наблюдать спектакль из первого ряда партера, попивая в антрактах буфетный коньячок. Гораздо неприятнее самому стать участником беспросветного спектакля, не зная ни развязки, ни замысла режиссера. Но подумайте: ведь мир движется... нет, не по спирали, а скорее по заколдованному кругу. Может быть то, что делают и говорят сейчас, уже делали и говорили когда-то? Может быть, взгляд в прошлое поможет нам понять происходящее?

Теодор ГЛАНЦ

ПОПУЛИЗМ

"Прошли те времена, когда добрый король-буржуа Луи-Филипп ходил по Парижу с зонтиком. Не было ни одного встречного нищего, ни одного мелочного торговца, которому бы он не пожал руки и не одарил монетой.

Говорят, у него была для этого специальная грязная перчатка, которую он каждый раз снимал и менял на белую лайковую, когда возвращался в свой дворец, к своим зеркалам, статс-дамам и амарантово-красным лакеям".

Генрих Гейне, роман "Лютеция", 1850

"Б.Н.Ельцин ездил на работу в троллейбусе и стоял с народом в очередях, но при этом не забывал о кинокамере".

Английский фильм "II русская революция", 1991

О МЯСНЫХ БЛЮДАХ

КОШАЧИЙ СУП

Как? Вам наш суп не нравится?
Да он из лучшего кошачьего сала!
Наш супец интернационально славится,
А что тошнит - так это сначала.
...Мы и не стыдимся их ни крошечки,
А над варевом смеяться - глупо.
Мы, привычка и отвычка - кошечки.
Подожди, запросишь ты нашего супа...

Зинаида Гиппиус, 1919

"Санитарная инспекция предупреждает: на рынках Донбасса появились ободранные кошки под видом кроликов. Требуйте у продавцов мяса удостоверение санитарной инспекции!"

Радио Донецка, 31 января 1992

О СПЕЦИЯХ

"После прихода в Академию еврея Эйнштейна в немецкой науке явственно запахло чесноком".

Юлиус Штрейхер, нацистская газета "Дер Штюрмер", 1933

"Пришел Хавкин, и воняя чесночным перегаром, похвастал другу Бродскому: "Смотри, "Камень" Мандельштама перепечатал. 30 рублей заплатил".

Подполковник КГБ Вадим Зуев, "Амплитуда", Донецк, 1983

СВОЕВРЕМЕННОСТЬ

"В апреле 1941 меня внезапно вызвали на совещание московских писателей. Оно было драматическим: Сталин вызвал группу писателей, называл Авдеенко "врагом" и нападал на пьесы Леонова "Метель" и Катаева "Долина". Мы должны были проголосовать за исключение Авдеенко из Союза писателей. Я сидел и дивился: надвигается страшная война, неужели Сталин так уверен в нашей мощи, что может отдавать время литературной критике?"

Илья Эренбург, "Люди, годы, жизнь", т.2, 1963

"В бывшем СССР страшный кризис, надвигается голод, а Кравчук и Ельцин вдруг решили делить подводные лодки. Или не нашли другого времени?"

Адмирал Клейтон, зам.министра обороны США, "Голос Америки", 10 января 1992

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

"Вульгарный вид капиталистов с их потными руками и красными лицами внушает рабочему мысль, что все блага в мире распределяются случайно. Этого не должно быть. Сверхчеловек должен быть прекрасен".

Фридрих Ницше, "По ту сторону добра и зла", 1883

"Частная собственность - извечное проклятие человечества! Я не меньше тебя ненавижу наш гнилой роялизм, но неужели ты думаешь, что режим, основанный на частной собственности, будет лучше?"

Рафаэль Сабатини, "Скарамуш", 1885

"Не каждый может стать предпринимателем, но каждый может научиться зарабатывать".

Б.Н. Ельцин, 29 декабря 1991

"С кем вы собираетесь строить светлое капиталистическое будущее? Со шлюхами и сутенерами из коммерческих комков?"

Е. Евтушенко, "Литературная газета", 10 августа 1992